

Наталья Соболевская

Невеста на замену

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Соболевская

Невеста на замену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71012701

SelfPub; 2024

Аннотация

Ещё в младенчестве меня удочерили богатые дальние родственники. Мне кажется, они это сделали, чтобы всегда иметь под рукой кого-то, на ком можно сорвать злость. А с тех пор как их родная дочь и как бы моя сестра обзавелась влиятельным женихом, число людей, желающих надо мной поиздеваться, выросло. Жених сестры без всякой причины невлюбил меня с первой секунды. Я даже поздороваться с ним не успела, как он одарил меня уничтожающим взглядом. Причём, если я ему так неприятна, ну, не смотрел бы в мою сторону, но нет же, постоянно с ненавистью косится, вмешивается в мои дела, учит уму-разуму и открыто преследует.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	76
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Соболевская

Невеста на замену

Глава 1

– Катерина, ты раз за разом меня разочаровываешь, – зайдя ко мне в комнату, строго начал Пётр Сергеевич – мой приёмный отец и глава семейства Левашовых, которые ещё в младенчестве меня удочерили. Невесело про себя усмехнулась: это никогда не закончится, опять мной недовольны и пришли упрекать. – Сегодня жених твоей сестры впервые ужинает у нас дома, а ты, вместо того, чтобы познакомиться с будущим родственником и немного времени провести в семейном кругу, закрылась в комнате. Я уже давно не настаиваю, чтобы ты каждый день садилась с нами за стол, но хотя бы значимые события можешь не игнорировать.

Шикарная позиция у Левашова – ничего не вижу, не слышу, не замечаю.

Можно подумать, я от хорошей жизни не сажусь вместе со всеми в гостиной за стол, а питаюсь исключительно украдкой на кухне.

Для его жены Инессы Марковны и их родной дочери Рины я не человек, а личная антистрессовая игрушка, на которой они срывают злость и выпускают пар.

Даже ложку ко рту не могу поднести, чтобы не услышать в свой адрес пару-тройку обидных замечаний, и это в присутствии Петра Сергеевича, а когда его нет, что из-за длительных командировок часто случается, в меня так и вовсе летят откровенные оскорбления.

А по поводу сегодняшнего ужина Инесса Марковна ещё вчера провела со мной инструктаж. Пока Пётр Сергеевич отсутствовал, велела мне зайти в его кабинет, где у нас состоялся занимательный разговор.

– Завтра с нами ужинает жених Рины, – разместившись в кресле мужа, словно на троне, горделиво объявил Инесса – Адашев потрясающий молодой человек, обеспеченный, образованный, с блестящими перспективами, как раз под стать моей дочери, а тебе о таком не стоит даже мечтать, – уколола она меня со злорадным блеском в глазах. Только зря старалась, в детстве, да, после обидных слов могла всю ночь проплакать в подушку, но к своим девятнадцати годам отрастила броню и уже практически не реагирую на издёвки. – Так вот, ровно с того момента, как Адашев переступит порог нашего дома, и вплоть до его ухода, я не желаю тебя видеть. Забейся в угол своей конуры и не смей показываться на глаза.

– Хорошо. Это всё? – равнодушно спросила я.

Для меня делить один стол с Инессой, её дочкой, да и самим Левашовым, это отнюдь не награда, а худшее наказание, от которого меня только что благополучно избавили.

– Да, можешь идти, – так, словно мне действительно тре-

бывалась её дозволение, разрешила Инесса. – И знай, это твоя вина, что мы вынуждены прятать тебя от гостей, – до-неслось в спину, когда я уже практически вышла из кабинета. – С пелёнок я вдалбливала в тебя этикет, но ты же просто не обучаемая. Всё дело в генах. Дворяжка останется дворяжкой, как ни старайся.

– Зато вы, Инесса Марковна, сразу видно, породистая... сука, – особо выделив последнее слово, толкнула дверь и поспешила уйти.

– Катерина, ты так и будешь молчать? – голос Петра Сергеевича выдернул меня из воспоминаний о событиях прошлого дня.

И как быть? Пойду на ужин – раздракonné Инессу, а не пойду – Левашов маленькой десертной ложкой выест мне весь мозг нравоучениями.

– Я не могу сегодня со всеми поужинать, Инесса Марковна запретила. Она сказала, чтобы я сидела у себя в комнате и не позорила семью перед гостем, – поступила так, как поступаю всегда, сказала правду.

Левашов ещё никак не отреагировал, но я уже знаю, что он тоже, как всегда, мне не поверит.

– Катерина, ты давно не подросток, хватит выдумывать, – осуждающе покачав головой, процедил он сквозь зубы. – Если через пять минут тебя не будет в гостиной, я вернусь и приму самые серьёзные меры. Не вынуждай наказывать тебя, мне бы этого не хотелось.

Проводив тяжёлым взглядом хозяина дома, вздохнула.

Как ни крути, но сегодня раздракonné либо самого Лева-
шова, либо его стервозную половинку, угодить обоим нель-
зя.

Изначально решила не появляться на ужине, потому как
месь Инеcсы – это ливень и шквалистый ветер, а неодобре-
ние её мужа – умеренные осадки. Но потом устыдилась сво-
ей логике и передумала. Сделаю так, как просил Пётр Сер-
геевич: он единственный в этом доме, кто пусть изредка, но
проявлял ко мне доброту.

Прежде чем выйти из комнаты, чтобы на фоне приёмной
матери и сестрицы не выглядеть совсем уж простушкой, ре-
шила переодеться в более подходящий наряд: выбрала кре-
мовое платье по фигуре, с тонкими бретельками и длиной
чуть ниже колен. Как по мне – идеально для жаркого июнь-
ского вечера. На скорую руку соорудила причёску, ну, то
есть просто распустила волосы и расчесала. С макияжем то-
же особо не заморачивалась – наредила ресницы и нанесла
на губы блеск.

Остановилась в нескольких шагах от гостиной и прижа-
лась к стене. С этого места я могла наблюдать за происхо-
дящим, оставаясь для всех незаметной. Привычка, снача-
ла осмотреться, оценить обстановку, обдумать поведение на
несколько шагов вперёд и лишь затем говорить или действо-
вать, вырабатывалась у меня годами. Для сироты, которая
всем мешала и раздражала, это был единственный способ

выжить в доме у Левашовых.

Поскольку я уже имела представление, чего ждать от членов семьи, в первую очередь обратила внимание на нового человека – жениха Рины, и он меня удивил. Ровно с того дня, как Левашовы вернулись из отпуска, где у сестрицы и Адашева закрутился роман, мои уши не переставали слышать восхищённые дифирамбы в его честь. Больше и громче всех, конечно, восхваляла его сама Рина. Она постоянно повторяла: «Все мои знакомые, когда увидят Вадима, сначала позеленеют, а потом сдохнут от зависти. Он успешный, состоятельный, красивый, умный, высокий и молодой».

В эти моменты, зная склонность сестры к преувеличениям и вранью, моё воображение рисовало совершенно иной портрет её жениха. В моём представлении он был богат, как же без этого, но ему давно перевалило за сорок, он был невысоким, пузатым, с лысеющей макушкой, а ещё, не знаю уж почему, но у него плохо пахло изо рта и потели ладони.

Но сейчас вынуждена признать, в данном случае Рина не преувеличила. Адашев и правда оказался выше всяких похвал. Брюнет, с этого расстояния цвет глаз не разглядеть, но чутьё подсказывает, они у него тёмные, соболиные брови, прямой нос, мужественный подбородок, возраст около тридцати, выше меня примерно на полторы головы, широкий размах плеч, подтянутый, явно посещает тренажёрный зал минимум четыре раза в неделю. Отличное чувство вкуса и стиля: светлый летний костюм идеально гармонирует с ру-

башкой, туфлями и часами. Однако в Адашеве меня поразила не столько внешность, сколько необычайная уверенность, харизма и умный, проницательный взгляд.

Даже немного обидно, что такой мужчина достался именно Рине. Да, она красивая, высокая и стройная, как модель, с шикарными длинными тёмно-каштановыми волосами, смуглой кожей и правильными чертами лица, – яркая и заметная, но при этом ещё злобная, недалёкая и чрезмерно жестокая.

На моём теле есть даже след, напоминающий о жестокости Рины – шрам в форме полумесяца на правом бедре. Когда нам обоим было по семь лет, Левашовы позвали гостей и устроили пикник во дворе дома. Тогда я ещё не понимала, что ради собственного спокойствия надо избегать подобных мероприятий, и вместе со всеми наслаждалась тёплым летним днём, весельем и шашлыками.

Одна из гостей заметила меня и похвалила, сказала, что сейчас я хорошенькая и милая девочка, а когда вырасту, обязательно превращусь в красивую девушку. Остальные гости дружно с ней согласились. Я была вне себя от счастья, ведь в доме Левашовых не слышала о себе ни единого доброго слова, а ещё я помню глаза Рины в тот момент, в них горела зависть и злость. Сестрица придумала способ, как мне отомстить: она взяла в гараже гаечный ключ, накалила его на мангале, и пока никто не видел, прижгла мне бедро.

Как потом уже в школьные годы, на медосмотре мне объяснил врач: если бы ожог правильно лечили, шрам бы не

остался. Только до моего ожога никому не было дела. После выходки дочери, Инесса, рыдающую меня увела в дом, отругала, сказала, что я сама во всём виновата, велела сидеть в комнате и не портить гостям настроение опухшим от слёз лицом.

Детские травмирующие воспоминания заставили меня перевести взгляд на Инессу и Рину. Сейчас эти гадюки изображают из себя благородных дам, в то время как мужчины возле бара с бокалами обсуждают явно деловые вопросы, они в эффектных позах сидят на диванах напротив друг друга и благопристойно тихим тоном общаются между собой.

Жаль, Адашев не слышал, какие страшные звуки издавала его будущая тёща сегодня утром, когда орала на горничную, или не видел, как днём его невеста бегала по дому и истеричила, потому что её стилист, о ужас, задерживается уже на целых десять минут. Да они и между собой прекрасно собачатся, если меня рядом нет и не на ком выместить злость. Часто, возвращаясь домой, оказывалась на их поле сражения.

Отметила, что Пётр Сергеевич уже в который раз, хмурясь, посмотрел на часы. Ну да, мои пять минут давно истекли. Неохотно отлипла от стены и прошла в гостиную.

– Катерина, вот мы тебя и дождались, – обратился ко мне хозяин дома, привлекая тем самым внимание всех присутствующих на меня.

Умышленно не смотрю на Инессу с сестрой и тем не менее буквально физически ощущаю исходящую от них дикую

ярость.

Представляю, как перекосило их лица, когда я вошла.

– Катюша..., – Пётр Сергеевич, махнув рукой, жестом попросил подойти к нему и Вадиму с очевидной целью нас познакомить.

Приближаясь к мужчинам, наблюдала за тем, как причудливо менялось выражение лица жениха Рины.

Сначала Адашев настолько внимательно приглядывался ко мне, что даже щурился. Потом он выглядел так, словно испытывал шок. Ну а когда подошла совсем близко, его глаза обдали меня брезгливостью и презрением.

По какой причине Вадим внимательно меня изучал, а потом удивился, даже предположить не могу, зато его негатив в мою сторону вполне объясним – родственницы постарались.

Довольно долго не понимала, с чего вдруг люди из окружения Левашовых, которых я раньше не встречала, зачастую воспринимают меня в штыки, а потом случайно услышала, в каких красках Инесса и Рина расписывают меня знакомым. Даже не сразу сообразила, что речь идёт обо мне, думала, они говорят о какой-то наркоманке, недавно вышедшей из тюрьмы.

Я не в силах запретить родственницам обо мне лгать, зато знаю, как бороться с последствиями. Я не отвечаю агрессией на агрессию, остаюсь самой собой, общаюсь с людьми, в результате они быстро забывают чужие слова и составляют обо мне уже своё мнение, как правило, положительное.

Моя тактика работает в девяти случаях из десяти, поэтому надеюсь, что и Адашев уже к концу ужина начнёт относиться ко мне, если нехорошо, то хотя бы нейтрально.

Сначала Пётр Сергеевич представил Вадима, и не только как жениха Рины, но и нового бизнес-партнёра, затем представил меня, как свою старшую дочь. Хотя мы с Риной одногодки, но я родилась на несколько месяцев раньше.

– Надеюсь, вы поладите между собой, – сказал Левашов, затем, заметив повара, подающего ему знаки из коридора, спешно оставил нас условно одних.

– Рада знакомству, Вадим, – приветливо улыбаясь, произнесла я вежливую дежурную фразу.

– А вот я не уверен, что рад – с издевательской ухмылкой отозвался Адашев и отошёл.

Вот те раз!

А этот Вадим гораздо больше подходит Рине, чем кажется на первый взгляд. Их многое объединяет, например, невоспитанность, грубость и хамство. Идеальная пара.

– Прошу всех к столу, – громогласно объявил хозяин дома, вернувшись в гостиную.

Пётр Сергеевич традиционно занял за столом главное место, напротив него расположилась супруга, мы с Риной присели слева от него, а Вадим – справа.

Ужин начался с тоста. Хозяин дома произнёс целую речь в честь уважаемого гостя. Потом несколько минут все ели молча, и лишь когда первый голод был удалён, пошли разго-

воры.

Беседу вели преимущественно мужчины, и в тот момент, когда они обсуждали особо интересную для них тему, Рина под шумок, пока отец и жених не видят, залпом выпила вино, забрала мой полный бокал, а вместо него подсунула свой пустой.

Инесса Марковна заметила махинацию дочери, но не сделала ей замечания, ограничилась неодобрительным взглядом.

Рина уже не раз возвращалась с вечеринки под мухой, но я не считала её пристрастие к алкоголю серьёзной проблемой. Видимо, заблуждалась.

Специально нанятый для этого ужина официант, заметив пустой бокал возле меня, снова наполнил его вином.

С каким же ехидством Адашев поглядывал на меня в этот момент, его мысли были так очевидны, что казалось я их в прямом смысле слышу: «Мало того, что приёмная и живёшь здесь на птичьих правах, так ещё и пагубные привычки не сдерживаешь».

Может, это и мелочно с моей стороны, но я искренне порадовалась тому, что Адашев не видит дальше своего носа. Пусть думает обо мне всё что угодно и посмеивается: реальность останется такой, какая она есть. Это его невеста выхлестала за секунду вино, и до тех пор, пока на её пальце не появится обручальное кольцо, она ни за что не покажет себя настоящую. Так что после свадьбы его ждёт огромный

сюрприз.

Да и вообще, Адашеву следовало бы больше обращать внимание на невесту и поменьше глазеть на меня. Мы сидим за столом, всего ничего, а я его взгляд на себе уже раз десять ловила.

Спустя двадцать минут, за которые сестрица успела ещё раз поменять наши бокалы, я уже не находила себе места, меня утомили косые взгляды Вадима, давила тихая злоба Инессы, раздражали лицемерные разговоры, и я мечтала лишь об одном, чтобы нам, наконец, подали десерт. Ведь десерт – финальный аккорд ужина, после него со спокойной душой встану и вернусь к себе в комнату.

Но, увы и ах, дело пока не дошло даже до основного горячего блюда.

Хотя надо признать, время за столом я провела не совсем зря. Сделала интересные выводы. Вадим с Риной образовали пару, отнюдь не потому, что их внезапно поразило огромное и светлое чувство любви.

Адашев на невесту почти не смотрит и не общается с ней. А когда его взгляд всё же касается Риной, в его глазах нежностью и лаской даже не пахнет. Складывается впечатление, словно он смотрит не на будущую спутницу всей жизни, а на шкаф или диван, в общем, на бездушный и не особо интересный предмет.

Зато Вадим охотно ведёт деловые беседы с самим Левашовым, насколько я поняла, они планируют плотно друг с

другом сотрудничать.

Так что роман Адашева и сестры – это не более чем выгодная для бизнеса сделка.

Деньги женятся на деньгах, старо как мир, но до сих пор актуально.

Боковым зрением замечаю, что сестрица опять открыла охоту на мой полный бокал. Сначала собиралась переставить вино, чтобы она до него не дотянулась, но потом передумала. Пусть пьёт сколько влезет, даже если она в пьяном угаре заберётся на стол и станцует без лифчика – это не мой стыд и позор.

Рина выждала удобный момент, и когда отец с женихом увлеклись горячей дискуссией о каком-то проекте, потянулась за моим бокалом.

– Не смей, – шикнула на неё мать, но Рина не остановилась и продолжала тянуться к вину.

Дальше события происходили настолько стремительно, что я не успела отреагировать.

Инесса, чтобы помешать дочери наклюкаться в присутствии жениха, не придумала ничего лучше, чем смахнуть со стола мой бокал и не куда-нибудь, а прямо на меня.

– Катя, надо быть осторожнее, – поучительным тоном воскликнула Инесса Марковна и, изображая из себя саму доброту, принялась вытирать салфеткой мою грудь и живот, с которых ручьём стекало вино.

Возмущённо уставилась на женщину. У неё вообще со-

весть есть? Мало того что она меня облила, так ещё и выставляет виноватой.

– Что случилось? – спросил Пётр Сергеевич и подошёл ко мне с салфеткой, чтобы тоже помочь обтереться.

– Катя уронила бокал, – пояснила Рина, тем самым подыграв матери и подтвердив её слова.

– Ничего, бывает, – как-то легко и по-доброму отреагировал Левашов, но тут своё слово вставил Адашев:

– Бывает, да. Особенно когда перебарщиваешь с вином. Вот же гадский гад...

Это он меня сглазил, не зря же весь ужин смотрел– смотрел и никак не мог насмотреться.

От довольных и сияющих лиц матери с дочкой в комнате стало даже светлей, от них буквально исходила волна безудержного счастья. Ещё бы! Инесса одним взмахом руки не только выставила меня в дурном свете, но и прогнала с ужина. Сижу вся мокрая. В вине платье, бельё и даже туфли. Теперь мне поможет лишь душ.

Может, всё-таки объяснить, кто разлил вино и почему?

Нет, не стоит, у меня один голос, а у этих змей два, проиграю.

Да и потом, не всё ли равно, что обо мне думают эти люди? Здесь нет никого, кого бы я уважала. Так что даже не стоит лишний раз трепать себе нервы. Ведь как только скажу правду, тут такой разразится скандал.

– Пойду к себе, – поднялась из-за стола и, оставляя за со-

бой дорожку из красных пятен, вышла из гостиной.

По крайней мере, пытка закончилась, и уже не надо терпеть рядом с собой лицемерные рожи.

Приняла душ, переоделась, но настроение всё равно на нуле. Нет, мне искренне наплевать на шоу, которое на ужине устроили две паскудные кобры, но платье сильно жалко – моя палочка-выручалочка. Как говорится, и в пир, и в мир. Чтобы его купить, почти два месяца сидела на голодном пайке, ничего себе не позволяла. Платье, конечно, постирала, но пока ткань полностью не высохнет, непонятно останется ли пятно.

Вдобавок Левашовы и их гость по-прежнему сидят за столом. Я проверяла. Подкралась к гостиной на цыпочках и прислушалась. А ведь почти десять вечера, чтобы успеть в клуб на подработку, уже через час мне надо незаметно для всех выйти из дома.

Незаметно – потому что обе свои подработки держу в секрете от родственников.

Днём по будням тружусь официанткой в кофейне. Если Рина и Инесса об этом узнают, они не то чтобы придут в заведение, а на всех парах прибегут и сядут за столик, за который я отвечаю. Естественно, их крайне не устроит обслуживание, о чём тут же узнает администратор. И пока меня не уволят, эти две змеищи будут заядлыми посетителями кафе.

Ещё я работаю в ночном клубе по самым бойким дням, в пятницу и субботу. Завожу публику танцами с полуночи до

трёх утра. В данном случае я не боюсь увольнения: хозяин – мой хороший приятель, да и как к танцовщице придраться? Но если Пётр Сергеевич узнает, что я отплясываю на людях, да ещё по ночам, он это приравнивает чуть ли не к проституции и будет нудить, чтобы ушла из клуба.

А ведь на самом деле всё довольно прилично. Танцую на специальной платформе, и находится она высоко, ни один посетитель при всём желании до меня не дотянется. Наряд, да, откровенный, но не то чтоб уж очень. Попа и грудь прикрыты. Случается, так, что некоторые посетительницы клуба одеты куда смелее, чем я в сценическом костюме.

Не сказать, что подработками сильно довольна, особенно ночной, но выбора у меня нет – где ещё найду такой график, чтобы не мешал учёбе? А совсем не работать, я не могу. Да, Левашовы обеспечивают меня крышей над головой и пропитанием, но есть же и другие потребности: одежда, косметика и лекарства...

Вообще-то, как и сестре, Пётр Сергеевич назначил мне содержание, чтобы были деньги на повседневные расходы, но поскольку выплатами заведует Инесса Марковна, я это содержание вижу разве что только во сне и в мечтах.

Ближе к одиннадцати часам собралась в клуб. Мне повезло: когда вышла из спальни, в гостиной уже никого не было. Иначе пришлось бы возвращаться и прыгать в окно. Благо моя комната находится на первом этаже, а не как у других на втором. Таким экстремальным способом я уже несколь-

ко раз выбиралась из дома на улицу, то ещё удовольствие, то щёку поцарапаешь об кусты, то зашибёшь палец или того хуже, подвернёшь ногу.

Осторожно, не по центральной дорожке, а окольным путём иду от крыльца дома к воротам. Стараюсь держаться ближе к деревьям, чтобы из окон никто не заметил. Пётр Сергеевич с Инессой, скорее всего, уже спят, в их комнате не горит свет. А вот сестрица бодрствует, в её спальне работает телевизор.

Неожиданно впереди из-за поворота вынырнула фигура, и я никак не могла определить, кому она принадлежит. Точно не Левашову, Пётр Сергеевич ниже и шире. Может, это Игорь – водитель Инессы? Тоже нет, у этого мужчины есть шевелюра, а водитель на голове носит разве что кепку.

Чёрт, да кто это?

В итоге я догадалась, что за личность мне встретилась, но было уже поздно. К этому моменту Адашев тоже заметил меня, более того, судя по его внимательному взгляду и тому, как он ко мне развернулся, мужчина ждал, когда к нему подойду.

Что он вообще здесь делает и почему не убрался восвояси домой?

– А я вас сразу и не узнала. Наверное, потому что не ожидала увидеть, – искренность – моё всё. Как есть, так и сказала.

– Если бы ты не опоздала к ужину, то знала, что Пётр Сер-

геевич пригласил меня в гости на все выходные, – Вадим не упустил шанс меня упрекнуть.

Я, значит, к нему вежливо на «вы» обращаюсь, а он мне тыкает. Впредь он от меня «вы» не услышит.

Всегда разворачиваюсь к людям тем местом, которым они на меня смотрят.

Одарила Адашева взглядом, обозначающим: «Фи, с занудами не общаюсь», обогнула мужчину и пошла дальше.

– Катя, присядем на лавочку, у меня к тебе есть пара вопросов? – не успела я и несколько шагов сделать, как донеслось в спину.

Оглянулась и с сомнением смотрю на Вадима.

– Я тебя надолго не задержу, – пообещал он, так понимаю, почувствовав, что я собираюсь сказать: «Нет».

Сидеть под носом у Рины с Адашевым вдвоём на лавочке в одиннадцать часов вечера – чревато последствиями.

В детстве стоило мне хоть пальцем прикоснуться к её игрушкам, она сразу же кидалась на меня с кулаками и дралась не на жизнь, а на смерть. Боюсь, если проведу наедине с её женихом, даже минуту, она мне потом, когда буду мыться, подбросит в ванну работающий фен.

Глава 2

Подняла глаза на окно Рины: в её комнате свет продолжает мелькать – телевизор работает, значит, она не спит. С другой стороны, лавочка, на которую уже успел присесть Вадим, удачно прикрыта кустами, из дома нас точно никто не увидит.

Ладно, немного времени есть, выслушаю Адашева. Пока не окончу университет, от Левашовых не съеду, значит, ближайшие три года мы с ним довольно часто будем встречаться. Дам ему ещё один шанс, узнать меня лучше и составить обо мне более справедливое мнение.

Опустилась на лавочку максимально далеко от мужчины и всем своим видом показываю, что я вся внимание.

– Катя, ты знаешь, кто твои родители? – спросил Адашев и тут же себя поправил. – Я говорю о настоящих биологических родителях.

Напрасно Вадим уточнял. Я сразу сообразила, о ком идёт речь. Инесса и Пётр со словом «родители» не вызывают у меня никаких ассоциаций.

– В каком смысле знаю? – не поняла я. – Они оба погибли в аварии, когда мне даже месяца не было.

– Я имею в виду их фамилию и имена.

– Левашовы. Маму звали Светой, а папу – Петром, – ответила я, недоумевая, с чего вдруг Вадим заинтересовался

моими родителями.

– Левашовы?! – теперь уже удивился Адашев.

– Ну да. Отец и Пётр Сергеевич приходились друг другу троюродными братьями. У них в семье, наверное, было принято мальчикам давать имя Пётр, поэтому они ещё и тёски.

На лице Вадима повисло искреннее недоумение.

Пётр Сергеевич и Инесса Марковна всё-таки – молодцы. Сразу же сообщили будущему зятю, что я приёмная дочь, зато забыли упомянуть, что мы пусть и дальние, но всё же родственники.

– А знаешь девичью фамилию матери?

– Иванова. Вадим, а почему ты спрашиваешь об этом?

– Иванова, значит, – мужчина задумчиво дотронулся до подбородка, а потом покачал головой. – Нет. Не подходит.

– А можно мне объяснить, кто, куда и почему не подходит?

Адашев посмотрел на меня так, словно совсем забыл о моём присутствии рядом.

– Я ошибся. Нечего объяснять. Хотя... А ты можешь, называть фамилии других своих близких родственников по линии матери?

Я бы наверняка могла назвать фамилии и имена, если бы хоть что-нибудь знала о своей семье со стороны матери. Но я ничего не знаю, от слова совсем.

Эта тема в доме у Левашовых всегда была под строжайшим запретом. Сколько бы я ни пыталась расспрашивать, от-

ветов не получала. Если я интересовалась у Инессы о маме, она, как по щелчку пальца, моментально приходила в ярость и вместо объяснений кусала меня с особой жестокостью.

Пётр Сергеевич реагировал немногим лучше: вопросы о маме делали его раздражительным и злым. И он, либо отсылал меня с глаз долой в комнату, либо сам уходил.

– Нет, я о родителях-то мало что знаю, а о родне вообще ничего, – после довольно продолжительной паузы, ответила я, и тут у меня возникла идея. – Но, тебе если интересно, спроси Петра Сергеевича, он должен знать больше. Только если он хоть что-то расскажет, не забудь поделиться со мной.

– Почему ты сама у него не спросишь?

– Спрашивала сто раз, он мне не отвечает. Говорит: прошло много времени, ничего не помню, не знаю. Но ведь хоть что-то у него в памяти должно было отложиться. Разве нет?

Вадим даже не стал отвечать, так, ради приличия пожал плечами, затем поднялся, встал ко мне лицом, широко расставил ноги и, спрятав руки в карманах брюк, теперь надо мной нависает. Угрожающе, между прочим.

– Вот ещё что, Екатерина, – если до этого Адашев говорил со мной мягко, то теперь его голосом можно целые озёра коркой льда покрывать. – Я наслышан о твоём характере и о любви создавать людям проблемы. Имей в виду, я не Пётр Сергеевич, не Инесса и не Рина. Если ты выкинешь какую-нибудь подлость в своём духе, и это меня хоть как-то коснётся, будут последствия. Гарантирую, они тебе не понравятся.

вятся. Из меня верёвки вить не получится. Ты уяснила мою мысль?

И вот этот человек, имя которого начинается на «Г», а заканчивается «О», меня впечатлил, когда я его впервые увидела? Да после этого я слепая, глухая и вообще в людях не разбираюсь.

Но в одном Вадим прав, он – не Левашовы. Он – это нечто куда более худшее, гнусное и хитрое.

Когда ему требовались мои ответы, он со мной обращался как с личностью, а сейчас, когда ему ничего не нужно, разговаривает, как с ничтожеством из помойки.

– Уяснила, – с вызовом произнесла я, тоже поднялась с лавочки и выдала Адашеву прямо в лицо. – Я тебя только что разглядела как под микроскопом. Снаружи ещё ничего, а внутри одна гниль.

Обошла мужчину и продолжила путь.

Видимо, ему нечасто говорят правду в глаза, смешно было видеть, как он обалдел. Как застыл, так до сих пор и стоит возле лавочки. Офигевает.

Дойдя до ворот, огляделась на всякий случай. В схватке с Адашевым я же вроде как победила, по крайней мере, последнее слово точно осталось за мной, вдруг это его не устроило, и он поплёлся вслед за мной взять реванш.

Вроде бы всё тихо, спокойно, никого нет.

С великой осторожностью, чтобы не дай бог, не скрипнули петли, открыла калитку, выскользнула наружу и шустро

забралась в салон своей «Японочки–старушоночки».

Когда работаю в клубе, всегда оставляю машину за территорией дома, иначе незамеченной мне не уехать, ворота гаража, пусть не сильно, но всё же гремят. Поначалу переживала, что отвечать, если Левашовы спросят, почему бросаю авто на улице, но чем меньше машин в гараже, тем больше в нём кислорода, удобнее парковаться и выезжать, думаю, именно поэтому никто из них ни разу не потребовал объяснений.

Автомобиль у меня появился благодаря Левашову, когда мы с Риной поступили в университет, он заявил, что каждая из нас получит по надёжной европейской машине. Заявил и укатил в очередную командировку, а покупку автомобилей доверил Инессе.

И она купила...

Рине новенькую из салона, а мне подержанную с рук.

Но я всё равно была на десятом небе от счастья, правда, недолго, всего неделю, а затем мой «немец» заглох и больше никогда не завёлся.

Потом в автосервисе механик сказал, что авто побывало в серьёзной аварии, и выкатил настолько огромную сумму за ремонт, что было проще купить такую же новую. В итоге сдала «немца» на авторазборку, а взамен взяла «Японочку–старушоночку». Мы с ней большие друзья, она у меня не особо прожорливая и в меру капризная дама.

Утром следующего дня разлепила глаза только к одиннадцати часам, оно и понятно, после смены в клубе вернулась

домой перед рассветом.

Встала, умылась, позавтракала и лишь потом поинтересовалась у горничной, почему в доме так тихо? Оказалось, Левашовы ещё два часа назад, прихватив с собой зятя, куда-то укатили и велели их скоро не ждать.

Радостную новость отпраздновала своим ритуальным победным танцем – широко расставив ноги и чуть присев, трясла головой и активно двигала попой.

Решила воспользоваться отсутствием родственников по полной программе, надела купальник и отправилась балдеть к бассейну.

Бассейн во дворе дома – это, пожалуй, единственное, за что я Инессе готова сказать спасибо. Именно она выпросила его у мужа три года назад.

Плавала, ныряла с бортика, загорала на надувном матрасе в воде, потом раскрыла зонтик и под его тенью удобно устроилась на шезлонге. Красотища...

Даже не заметила, как задремала, а разбудили меня голоса вокруг.

Дезориентированная, присела, потёрла глаза и осмотрелась.

Твою же... Родственники оккупировали бассейн. А ведь говорили, что их долго не будет. Ни в чём на них нельзя положиться. Даже в такой мелочи и то подвели.

Левашов с Инессой заняли лежаки у противоположного края бассейна, а Рина устроилась через один шезлонг от ме-

ня. Интересно, а почему они не в полном составе, куда делся зять?

– Выспалась? – фыркнула Рина и демонстративно от меня отвернулась.

Заметив, что я уже не сплю, Пётр Сергеевич помахал мне рукой и крикнул:

– Катерина, только сразу не убегай, проводи с нами какое-то время?

Вот же чёрт, не успела исчезнуть. Выдавив улыбку, кивнула. Пятнадцать минут и меня здесь не будет.

Спрятала глаза за солнечными очками и про себя считаю от единицы до ста, чтобы время пролетело быстрее. Ещё разглядываю родственников, я их в раздетом виде лицезрела аж летом прошлого года.

Как, мне кажется, у Левашова немного подросли брюшко и бока, а вот Инесса, как всегда в отличной форме, каждому бы так выглядеть в её возрасте. И это заслуга не косметологов и пластических хирургов, а её собственная. Она долгие годы придерживается здорового питания, регулярно занимается спортом, вовремя ложится спать и в отличие от дочери практически не употребляет алкоголь.

Рина в купальнике тоже смотрится хорошо, если бы она ещё немного тренировалась, была бы вообще идеальной.

О! А Вадим, оказывается, никуда не делся, вот он в белом халате и с полотенцем в руках вышел из дома.

Сейчас разденется, и поглядим, вдруг он под брюками

прятал кривые ноги, или у него чересчур волосатая спина и вся в бородавках, а может быть, он не подстригает ногти на ногах и у него жёлтые шершавые пятки. Ведь должен быть у человека во внешности хотя бы один изъян.

Адашев подходит к бассейну, всем, кроме меня, улыбается, вешает на поручень лестницы полотенце, снимает и туда же пристраивает халат.

Увы, но нет у Вадима изъянов.

Ноги стройные и мускулистые, длинных ногтей не наблюдаю, и пятки, как назло, розовые-прерозовые. Бёдра узкие, грудь и плечи внушительные, пресс подтянутый и рельефный, словно он профессиональный спортсмен. Растительность на теле умеренная.

Одним словом, он вызывающе неотразимая сволочь, и к тому же – позёр. Эффектно прыгнул в бассейн и напоказ грациозно плавёт, как будто снимается в рекламном ролике про роскошную жизнь.

– Слюни-то подбери, – высокомерно и вместе с тем недовольно шипит Рина. – На своего мужика будешь так пялиться, а на моего нечего.

В ответ только фыркнула и легла на живот, чтобы не видеть Адашева и сестру не нервировать. Ведь на этот раз Рина отчасти права, пусть слюни я не пускала, но действительно разглядывала её жениха.

Ещё пять минут и уйду.

– Нанести тебе на спину солнцезащитный крем? – заще-

бетала сестра, явно обращаясь не ко мне, а к кому-то другому, и в это время рядом на свободный шезлонг упало то самое полотенце и халат, что ещё недавно висели на поручне лестницы.

Как же я так прокололась? Возле бассейна всего пять лежаков, четыре из них заняты. Разумеется, Адашеву ничего другого не оставалось, как облюбовать единственный свободный шезлонг между Риной и мной.

Это худшее соседство из всех возможных.

– Нет, – сухо отказался Вадим, укладываясь на лежаке.

Чтобы спрятать лицо от Вадима и Риной, стянула со столика шляпу и прикрыла голову. Лишь после этого поняла, что теперь могу сквозь мелкие отверстия в шляпке незаметно наблюдать за парочкой, а им остаётся только гадать, смотрю на них или нет.

Сестру явно обидел отказ жениха, но она продолжает улыбаться, старательно притворяясь, будто это не так. Но я-то знаю, она всегда начинает накручивать на палец прядь волос, когда недовольна или расстроена.

Адашеву же, судя по виду, на переживание невесты плевать. Вытянулся, заложил руки под голову, прикрыл веки и с умиротворённым лицом отдыхает.

Я аж перестала дышать, когда Вадим внезапно открыл глаза и наши взгляды пересеклись.

Складывается впечатление, словно он абсолютно уверен, что я тоже смотрю на него, хотя это невозможно из-за моей

шляпы и тёмных очков.

Даже если Адашев догадывается, что я за ним наблюдаю, это его не особо смущает. Мужчина сначала медленно оглядел меня всю полностью, а потом сфокусировал взгляд на месте чуть пониже спины. Он таращится на мою попу? Не-е-ет. Его заинтересовал шрам на бедре.

Люди в принципе обращают на него внимание, когда на мне одето что-то короткое и отметину в виде полумесяца становится видно. Наверное, потому, что шрам и на шрам-то не сильно похож, скорее напоминает клеймо. Столько лет прошло, а мне до сих пор нестерпимо хочется Рину оттаскать за волосы, так сказать, отблагодарить за ожёг.

Пётр Сергеевич попросил сестру к нему подойти, в другой раз она бы проигнорировала просьбу отца, но при женихе не решилась показывать дурной нрав и была вынуждена подняться с лежака и уйти.

О нет, я тут с Адашевым не останусь. Тоже сматываюсь.

– Где ты шлялась всю ночь?! – прорычал он, когда Рина отошла на достаточное расстояние, а я только надевала шлёпки и не успела сбежать.

Вот чёрт, неужели он видел, как я приехала утром?!

– Что? – стараясь не терять самообладание, возмущённо протянула я.

– Я ночевал в соседней комнате и слышал, как ты вернулась в спальню в четыре утра.

Фух, можно выдохнуть, ничего он не видел.

– То есть ты услышал, как в четыре утра скрипнула дверь моей спальни, и сделал вывод, что я дома не ночевала? А более правдоподобное объяснение ты не нашёл, например, что я ходила в туалет? В моей комнате нет ванной.

– Если бы ты действительно ходила в туалет, я бы слышал, как дверь открывалась и закрывалась два раза, – с претензией в голосе отозвался он и смотрит так, словно я заняла у него пару миллионов и не отдаю.

– Следи лучше за невестой, а от меня отстань, – потребовала я и поспешила убраться.

Вернувшись в спальню, собиралась сразу после солнечных ванн освежиться в душе, но на сорок минут застряла в мессенджере чата кофейни, где работаю официанткой. Одна из коллег заболела, смены поплыли, и мы с девчонками договаривались, кто и когда сможет её подменить.

Затем, надев наушники и включив музыку на полную громкость, сняла купальник, накинула халат прямо на голое тело, заглянула в постирочную, бросила вещи в стиральную машину и, наконец, пошла в душ.

Глядя в зеркало, пританцовывая и напевая, разделась, привычным движением на ощупь откатила в сторону дверь душевой, вынула наушники, и только когда музыка стихла, я услышала звук льющейся воды.

Резко развернулась и посмотрела внутрь душевой, мои худшие опасения оправдались, она была отнюдь не пуста.

– И как это понимать?! – совершенно не стесняясь своей

наготы, а наоборот даже выпячивай её напоказ, строго спросил Адашев.

В фильмах и сериалах нередко встречаются сцены, как героиня или герой впадает в ступор, столкнувшись с чем-то шокирующим. Подобные эпизоды всегда казались мне наигранными, неправдоподобными и раздражающими. Ведь в экстремальных условиях человек должен действовать, а не стоять истуканом. Я искренне верила, что окажись я на их месте, точно бы поступила иначе.

Однако воображать себя в кризисной ситуации, – одно, а встретиться с ней лицом к лицу – совсем другое.

И вот я стою в чём мать родила, ошарашенно смотрю на Вадима, на котором, кроме капель воды, ничего нет, и от шока не могу сдвинуться с места.

Адашев, к слову, тоже не особо активничает, разве что глазами сверкает и дёргает штуковинкой, что находится под пупком. Нет, я на него не смотрю ниже пояса, но периферическое зрение, будь оно неладно, всё же кое-какие нюансы ухватывает.

Когда мозг наконец-то включил аварийный режим, я содрала с крючка халат, но не надела его, а в целях экономии времени просто прикрыла им самые выдающиеся места.

– Что стоишь разинув рот? Срамоту-то прикрой, – рявкнула я и сунула Адашеву полотенце.

В отличие от меня он вообще никуда не спешил, сначала встряхнул полотенце, а потом неторопливо и аккуратно по-

вязал его вокруг бёдер, и только когда он вышел из душевой, развернулся ко мне лицом и подпёр кулаками бока, я поняла, какую совершила ошибку.

Надо было наплевать на стыд и сверкнуть перед Вадимом, чем до этого не сверкала, но всё-таки накинуть халат и пока была возможность выскочить из ванной.

А сейчас он преградил путь и явно ждёт объяснений.

– Ты та ещё штучка. Зачем пробралась ко мне в ванную? Чтобы сделать больно сестре? Меня скомпрометировать? Или таким способом решила найти со мной общий язык? – медленно приближаясь и тем самым заставляя меня отступать, бросался Вадим обвинениями одно хлеще другого.

– Такое больное воображение, как у тебя, надо лечить в специализированном учреждении, если проще сказать в психушке и исключительно током. Другие методы, боюсь, будут не эффективны, – выдала я и упёрлась спиной в прохладную плитку. Всё, отходить больше некуда, а Адашев всё наступает и наступает.

– Катерина, почему ты вся зажалась? – подойдя вплотную, усмехнулся Вадим, наклонился к моему уху и, обдавая кожу горячим дыханием, вкрадчиво произнёс. – Надо быть последовательной. Ведь ты не просто так сюда прокралась, разделась, полезла ко мне в душ. Что у тебя дальше стояло по плану? Давай продолжай. Вот он я весь перед тобой.

– Совсем с дуба рухнул, – руками я его оттолкнуть не мог-

ла, ведь тогда бы уронила халат, поэтому что есть сил врезалась в его грудь плечом. – Всё, на что ты тут намекаешь, мне бы и в страшном сне не приснилось. Произошло недопонимание, в котором полностью и всецело виноват ты. Какого чёрта перед тем, как принять душ, ты не запер дверь на замок? Этой ванной, кроме меня, никто не пользуется, я понятия не имела, что ты здесь, иначе бы и под дулом пистолета не вошла. Да, отойди ты уже, в конце концов? – снова протаранила мужчину плечом и на этот раз он, пусть всего на шаг, но отошёл.

– Хочешь сказать, я не закрылся? – с недоверием в голосе произнёс он и обернулся на дверь.

– А как, по-твоему, я попала сюда? Залетела через несуществующую форточку? Или замок вскрыла, прости, но диплома домошника-медвежатника у меня нет.

– Допустим, я не закрыл дверь, – начал Адашев, но я тут же его перебила.

– Что значит допустим? Ты её не закрыл!

– Хорошо, не закрыл, – согласился он и вновь впился в меня обвиняющим взглядом. – Но ты же слышала шум воды, неужели не догадалась, что душ занят?

– Я в наушниках слушала музыку и вынула их в последний момент, – прошипела я, кивнув в сторону зеркала. – Если не веришь, сам посмотри, вон они на полке валяются.

Адашев, проследив за моим взглядом, убедился, что я не выдумываю и, запрокинув голову, с раздражением выдохнул

В ПОТОЛОК:

– Идиотская ситуация.

– Которую организовал ты, – напомнила я и потребовала. – Отвернись, дай хоть халат нормально надену.

– Можно подумать, тебе теперь есть что от меня прятать, – ехидно заметил Вадим, но тем не менее отвернулся.

– Поговори мне ещё, – огрызнулась я, судорожно накидывая халат и туго завязывая пояс. – Всё, готово, а теперь посторонись, я на выход, – обогнув мужчину, щёлкнула замком, потянула дверь на себя, и как только шагнула в коридор, меня сзади схватили за капюшон и поволокли обратно в ванную.

– Куда? – тихо прорычал Адашев, вновь прикрывая дверь ванной – Ты же уже не в наушниках, разве не слышишь, там кто-то есть?

Притихла и прислушалась. И правда, судя по голосам, доносящимся из-за двери Пётр Сергеевич и Инесса где-то неподалёку.

– Ну Левашовы там, а дальше-то что? – прошептала я возмущённо. – Зачем ты затащил меня обратно? До твоего идиотского поступка мы были невиноваты, просто попали в неловкую ситуацию, но разобрались и должны были разойтись. А теперь мы тут прячемся, как будто есть что скрывать и только поэтому виноваты.

– Ты серьёзно хотела попасться им на глаза? Как бы я потом объяснил Петру Сергеевичу, что делал с его дочерью в

одной ванной, причём не с той, на которой собираюсь жениться?!

– Словами через рот, вот как. И не смей говорить со мной в таком тоне, здесь, вообще-то, я – самая пострадавшая сторона. На меня не только поглазели, но ещё и своё добро показали. То ещё удовольствие.

– Так понимаю, в твоей пламенной речи ключевым словом является «Удовольствие», – сказал он с сарказмом, потом подошёл к двери, прислушался и резюмировал. – Всё тихо. Ушли.

– Вот и отлично, – объявила я, сняла с крючка мужской халат и вручила его Вадиму. – Планы меняются, ты же уже принял душ, значит, тебе и уходить.

Как только Адашев убрался, меня пробрал истерический смех, я во всяких ситуациях успела побывать за свою жизнь, но героиней анекдота стала впервые.

Мылась на этот раз в обжигающе горячей воде и особенно тщательно, словно таким образом пыталась смыть с себя взгляд Вадима, но липкое ощущение с кожи так и не ушло, а ещё, чтобы не делала, на какие бы мысли ни отвлекалась, перед глазами всё равно видела одну и ту же картину, как Адашев стоит в душевой, и капли воды стекают по его телу.

В комнату возвращалась с твёрдым намерением больше сегодня уже не встречаться ни с Левашовыми, ни с их зятем, но перед тем как дёрнуть за ручку двери, боковым зрением слева от себя заметила силуэт и обернулась.

Инесса, скрестив на груди руки и припав плечом к стене, стояла где-то в трёх метрах от меня и странно смотрела.

– Что? – спросила я.

Женщина сузила глаза, отчего её лицо приобрело зловещий вид, затем она молча развернулась и ушла.

Нервно сглотнула, надеюсь, она приходила гипнотизировать меня взглядом не потому, что мы с её зятем оказались в одной ванной, а за какой-нибудь другой грех. Иначе над моей головой уже очень скоро стуются тучи, и грянет гром.

Глава 3

Семейство Левашовых, разумеется, вместе с зятем, теперь без него никуда, решили обогатить сегодняшний вечер культурной программой и собрались на балет. По требованию Петра Сергеевича я пойду с ними.

С одной стороны, я в предвкушении, так как предстоит насладиться грандиозной премьерой постановки «Спартак», с другой, нервирует, что несколько часов придётся провести в компании Вадима.

С того момента, как мы с Адашевым в ванной сначала сверкнули перед друг другом, чем можно и чем нельзя, а после вступили в преступный сговор с целью скрыть этот факт, прошло четыре дня. За это время мы практически не пересекались, а если и оказывались где-то поблизости, то делали вид, как будто в упор друг друга не замечаем, и ровно через минуту я исчезала под любым удобным и неудобным предлогом.

В театре же такой трюк не пройдёт. Представление длится около трёх часов плюс антракт и дорога. Если всё это время я буду игнорировать Адашева, а он меня, боюсь, это вызовет у Левашовых ненужные вопросы, ведь раньше мы себя так не вели. Опять же если заговорю с Вадимом или встречу с ним взглядом, где гарантия, что тут же не зальюсь краской? Голос, мимика, взгляд – всё это можно контролировать, но

на прилив крови к лицу, вызванный смущением и неловкостью – нельзя повлиять.

При большом желании я могу отказаться от похода в театр, расстройство желудка со всеми вытекающими последствиями, причём в прямом смысле – железобетонный аргумент. Перед ним все доводы Петра Сергеевича померкнут, и он оставит меня дома, но в таком случае упущу шанс посмотреть балет, и при этом проблема с Адашевым всё равно останется нерешённой. Нам в любом случае придётся с ним встретиться, не вижу смысла оттягивать этот момент.

Что надеть – ещё одна головная боль. Инесса с Риной, думаю, тоже столкнулись с этой проблемой, только они не знают, что надеть из-за обилия вариантов, а я из-за их недостатка. В итоге собрала волосы на затылке в тугой строгий пучок на манер балерин и явилась к месту всеобщего сборища, то есть в гостиную, в сером брючном костюме. Тёмное не совсем по сезону, но день сегодня прохладный, и если Инесса снова на меня что-нибудь прольёт, после химчистки на серой ткани пятна не останется и не придётся выкидывать костюм, как платье с прошлого ужина.

В гостиной пока присутствуют только мужчины, поздоровалась с Петром Сергеевичем и с Вадимом, на последнего даже не посмотрела, затем присела в кресло и, уткнувшись носом в экран, спряталась за телефоном.

Следом за мной со второго этажа спустились Инесса и Рина. Вынуждена признать, выглядят они эффектно, просто

не оторвать глаз. Обе яркие смуглые брюнетки, такому типу женщин, как правило, очень идёт белый цвет, и сегодня эти две змеищи вырядились именно в белый.

В гостиной завязалась светская беседа, и я вернулась к просмотру ленты новостей в соцсети, но в какой-то момент Вадим бросил любопытную фразу, и моё внимание вновь переключилось на Левашовых и их зятя.

– Рина, поскольку ты сейчас углублённо изучаешь китайский язык..., – произнёс он, и мой рот от изумления непроизвольно открылся.

Кто изучает китайский? Рина? Да ещё и углублённо? Ставлю на кон все свои сбережения, доставшиеся мне кровью и потом – брехня. Это то же самое, что улитка выползет из своей раковины и во всю ивановскую затянет Калинку-Малинку – то есть полностью исключено и невозможно.

Судя по тому, как растерянно моргает Пётр Сергеевич, он совершенно не в курсе, что дочь занялась изучением иностранного языка. Рине повезло, её мать всё подмечает и быстро соображает. Заметив растерянность мужа, Инесса встала на цыпочки и прошептала ему что-то на ухо. Думаю, она просила Левашова не задавать сейчас Рине вопросов, чтобы не разоблачить её перед женихом.

– Ты также говорила, что сам процесс изучения идёт успешно, но у тебя пока не получается преодолеть барьер и начать говорить в присутствии других людей, – продолжил Адашев, и я не сдержала усмешку.

Ай да Рина, ай да молодец. Как ловко придумала: она, безусловно, бегло и уверенно говорит на китайском, но, к сожалению, не может продемонстрировать свои знания публике, так как смущается.

– Поэтому я дарю тебе поездку в Китай на две недели в составе специальной группы. Группа будет состоять из людей, которые изучают китайский и нуждаются в общении с носителями языка...

Что ещё сказал Адашев, я не услышала, громкий хохот в моей голове глушил все звуки.

Поднимаю взгляд на Рину и в душе, где-то очень-очень глубоко мне становится её даже жалко. Она сжимает в руках документы, необходимые для поездки, и вроде бы улыбается, но только губами, в глазах застыл тихий ужас.

Ещё бы, отправиться в другую страну, где с тобой целенаправленно будут общаться исключительно на иностранном языке, а ты по нему вообще ни бум-бум, ни кукареку – тот ещё квест. И от поездки отказаться нельзя: жених не поймёт.

Хотя зря Рина расстраивается раньше времени, девушка она изворотливая и в средствах неограниченная, раскинет своими хитрожопыми мозгами и найдёт выход. Самое простое – это поехать, но на месте отделиться от группы, заявив, что решила изучать язык самостоятельно. Никто её уговаривать и заставлять учиться не станет, организаторы тура получили свои деньги и плевать им, воспользуется клиент услугами или нет.

Да, поездка в Китай – вообще не проблема. С проблемой Рина столкнётся потом, когда Адашеву понадобится её знание китайского языка, хотя бы тот же перевод, что она будет делать тогда, – ума не приложу.

– Вадим, и у нас есть для тебя подарок, – масляным тоном обратилась Инесса к будущему зятю, нежно похлопывая его по плечу. – Конечно, не такой шикарный, как твой, гораздо скромнее. Мы планировали вручить его тебе после театра, но раз на то пошло дело... Думаю, сейчас самый подходящий момент, – с этими словами хозяйка дома вдруг ни с того ни с сего оборачивается ко мне и просит. – Катюша, не могла бы ты принести коробку из нашей спальни? Это небольшой деревянный ящик и стоит на моём косметическом столике.

«Ох неспроста Инесса отправила именно меня за подарком» – эта мысль надоедливой мухой кружилась в голове, пока ходила за ящиком, только я никак не могла понять в чём подвох.

К сожалению, разгадка, в чём заключалась ловушка, не заставила себя долго ждать.

– И что это? – с любопытством поинтересовался Адашев после того, как я принесла ящик, передала Инессе, а она, в свою очередь, вручила его зятю.

– Открой и узнаешь, – кокетливо пропела Инесса в ответ.

– Часы. Судя по всему, антикварные. Поставлю их на рабочий стол, они идеально впишутся в интерьер кабинета. Спасибо, – поблагодарил Адашев с улыбкой и, как мне по-

казалось, слишком поспешно захлопнул ящик.

– Одну секунду, постой, – взволнованно попросила Инесса, вновь открыла крышку, а когда посмотрела на содержимое, ошарашенно выпучила глаза. – Боже мой, как же так вышло? Почему треснуло стекло на циферблате?

– Инесса Марковна, не переживайте, – Адашев деликатно отодвинул женщину от ящика и опять закрыл крышку, так понимая, чтобы вид сломанного подарка никого не смущал. – Старинные вещи хрупкие, с ними такое случается. Ничего страшного, я знаю специалиста, он всё исправит.

– Конечно, случается, при транспортировке или использовании, но часы спокойно лежали в коробке на столике, – запричитала Инесса. – Я их даже не передвигала, и ещё час назад они были целыми. Петя, подтверди, перед тем, как ты спустился встретить Вадима, я же тебе их показывала.

Левашов кивнул, и вот тогда взгляды всех присутствующих устремились на меня.

– Что? – воскликнула я. – Знать не знаю, что произошло с часами.

– Катюша, может, ты случайно уронила ящик, пока несла его сюда? – предположил Пётр Сергеевич.

– Нет.

– Что за детский сад? – строго начала Инесса. – Тебе захотелось посмотреть, что внутри, ты взяла часы и сломала, просто признайся. Никто тебя ругать не собирается, нам всего лишь надо знать правду.

– Я не стану признаваться в том, чего не делала, – прорычала я, хоть и понимала, видела это по глазам, никто мне не верит.

Никто, кроме Инессы, – эта змея как раз знает правду. Даю руку на отсечение, это она сломала часы, причём специально, чтобы меня подставить.

– Ещё немного и мы опоздаем на представление, – подала голос Рина.

– Катя, ты всех задерживаешь, долго ещё будешь упрямиться? – глядя на меня в упор своими бесстыжими глазами, зашипела главная змея этого дома – Тебе нужно только сказать правду, и мы все спокойно поедem в театр.

– Правду? – не выдержав, взорвалась я и громогласно объявила. – Часы сломала Инесса. Намерено. Чтобы в стотысячный раз обвинить меня в том, чего я не делала. И если вы этого не видите и не понимаете, то вы слепые и глупые.

Инесса, отшатнувшись назад, одной рукой схватилаcь за сердце, другой прикрыла рот и закатывает глаза, словно собралась упасть в обморок.

– Катерина, прекрати, – рявкнул Левашов. – Немедленно возвращайся к себе в комнату и хорошенько подумай над своим поведением.

– Да, без проблем, – заявила я и было уже собралась на выход, как передумала и подошла к Инессе.

– За каждый поступок в жизни рано или поздно приходит расплата. За каждый. Запомни это.

Глава 4

– Смена только началась, а я уже мечтаю, как окажусь дома и развалюсь на диване перед телевизором, – ворчливо заметила Ксюша, доставая из-под стойки новую упаковку салфеток.

Услышав высказывание девушки, я лишь уныло вздохнула.

Ксюша даже не подозревает, насколько она счастливая, по крайней мере, в сравнении со мной. Ей хочется как можно скорее отработать и вернуться домой, потому что её там любят и ждут, а это уже само по себе великое счастье.

Когда же я нахожусь на работе, мне совсем не нужно, чтобы время бежало быстрее. Здесь в кофейне я пусть не лучше, но и не хуже других, а в доме у Левашовых я человек второго сорта, никому не нужная и всем мешающая сирота, над которой, по их мнению, можно и нужно постоянно изгаляться. Мне уже казалось, Инесса ничем не сможет удивить, но вчерашний вечер это опроверг.

Ничего-ничего. Девятнадцать лет терпела и ещё потерплю. Не так много осталось. Моя цель: получить образование, найти достойную работу, упорным трудом добиться успеха и больше никогда ни от кого не зависеть. Эта мечта поддерживает меня каждый день и помогает не сбиться с пути. Поэтому ровно половину всех заработанных денег откла-

дываю, чтобы сразу после получения диплома снять небольшую уютную квартирку, съехать от Левашовых и жить спокойно, счастливо и в достатке.

Сегодня я обслуживаю кассу, специально предназначенную для тех клиентов, которые не занимают столик в зале, а предпочитают брать кофе и всякие вкусности с собой на-вынос. Как по мне, работать за этой кассой— одно удовольствие: никакой нервотрёпки. Клиент заказал, оплатил, получил своё и ушёл. Если позже у него и возникнут претензии, то их выслушают его родственники, друзья, коллеги, в общем, кто угодно, только не я.

Как это часто случается, стоит мне лишь подумать, что сниму собственное жильё, как у себя в воображении мысленно начинаю обустраивать это гнёздышко. Представляю, какие выберу шторы, посуду, какую лампу поставлю на прикроватную тумбочку... Вот и сейчас, подавая девушке кофе и глядя на её бежевое платье с лёгким оттенком персика, я подумала, именно такого цвета штора для ванной будет неплохо сочетаться с плетёной корзиной для белья.

Пока досыпала в кофемашину зёрна, подошёл следующий клиент и сделал заказ:

– Латте, пожалуйста.

– Секунду, – на автомате попросила я, закончила с зёрнами и обернулась к мужчине, после чего мы оба остолбенели.

Только мне могло так сказочно повезти – из всех кофеин Адашеву понадобилась прийти именно в ту, где работаю я.

– Добавить в латте сироп? – преодолев шок, хрипло спросила я.

– Добрый день, Катерина, – пропустив мой вопрос мимо ушей, поздоровался Адашев и смотрит так, словно застал меня не в кофейне за кассой, а увидел, как я ночью на улице в короткой юбке предлагаю себя мужчинам за деньги.

– Здравствуй ...те, – выдавила я из себя и ещё раз уточнила. – Добавить сироп?

– Нет, – отрезал он и, недоумённо оглядев помещение, развёл руками. – Что, чёрт возьми, ты здесь делаешь?

Взгляд Адашева, его тон, поза, это его неуместное «Чёрт возьми» буквально вывели меня из себя. Такое чувство, как будто я тут занимаюсь чем-то постыдным.

– А разве не видно? – выпятила грудь вперёд, демонстрируя на фартуке бейдж с именем и должностью. – Работаю.

– Зачем? Пётр Сергеевич в курсе?

– Не собираюсь отвечать на дурацкие вопросы, – прошипела я, приготовила латте, поставила стакан перед Вадимом и указала на терминал, – Можете прикладывать карту, – как только оплата прошла, встала на носочки и объявила: – Следующий, пожалуйста.

«Проклятье!», мысленно выругалась я, пока смотрела на удаляющуюся спину Вадима. Он же первым делом побежит докладывать Левашову, где меня встретил, тот потом расскажет Инессе и Рине, и всё, нет у меня больше работы.

Попросила Ксюшу подменить меня на десять минут, стя-

нула с себя фартук и помчалась на улицу.

– Вадим, подожди, – закричала я, когда Адашев уже открывал дверцу машины. – Нам нужно поговорить!

– Садись в салон, на улице невыносимо жарко, – велел Адашев и, не дожидаясь моих возражений или других предложений, скрылся внутри автомобиля.

Мало того что придётся упрашивать Адашева хранить мою тайну, так ещё и делать это придётся в ограниченном пространстве машины. Эта мысль заставила меня нахмуриться и подумать: «Стоит ли работа того?»

«Конечно, стоит» – решила я и нырнула вслед за Вадимом в авто.

Дорогими машинами и их шикарным интерьером меня не удивить: Левашовы регулярно обновляют свой автопарк не реже одного раза в три года и тратят на это целое состояние. Однако салон автомобиля Адашева меня поразил, но не своей ценой, а идеальной, я бы даже сказала, хирургической чистотой, порядком и обалденно приятным запахом. Подозреваю, что последний пункт, заслуга не ароматизатора, а парфюма самого Вадима.

– По сравнению с твоей стерильной чистотой, у меня в машине настоящий бардак, – захлопывая за собой дверцу, брякнула я, причём зачем это сказала, не поняла, Адашев и так обо мне невысокого мнения, незачем было усугублять.

– Да, я люблю порядок, ты об этом хотела поговорить? – положив правую руку на руль и глядя не на меня, а в лобовое

стекло, язвительно поинтересовался Вадим.

– Нет. Дело в том, что Левашовы не знают о моей подработке, и я была бы тебе очень признательна, если бы это не изменилось.

– То есть ты просишь меня соврать?! – выплюнул мужчина и впился в меня осуждающим взглядом.

– Не соврать, а всего лишь промолчать, – пояснила я спокойным ровным тоном.

– А разве соврать и промолчать – это не одно и то же? – не унимался он.

Вообще-то, для меня два этих понятия равны, но сейчас я не могу в этом признаться.

– Пусть небольшая, но разница есть, – осторожно заметила я. – Ты меня очень выручишь, если промолчишь.

– Тебя может быть, а как насчёт Петра Сергеевича? По-твоему, он не должен знать, что ты его позоришь?!

Обидные слова мощным ударом разрушили весь мой самоконтроль, от резкого прилива крови запылали щёки, а нахлынувшая волна злости заставила дрожать руки.

– Позорю?! – сорвалась я на крик. – Чем? Тем, что работаю?

– Ты неправильно меня поняла, – в свою очередь, рявкнул Вадим. – Дело не в самой работе, проблема в том, как ситуация выглядит со стороны. В обеспеченной семье успешного бизнесмена воспитываются две дочери ровесницы – родная и приёмная. Родная занимается только учёбой, а приёмная

работает официанткой. Какой вывод сделают люди, если об этом станет известно общественности? Что Левашовым грубо наплевать на приёмную дочь, как и на её потребности, поэтому бедная девочка вынуждена трудом зарабатывать себе на жизнь. Катя, эти люди тебя не бросили, столько лет заботились о тебе, а ты вместо благодарности их подставляешь. Пётр Сергеевич – щедрый человек, и я уверен, он выделяет тебе достаточно средств, зато зная твой характер, готов поверить, что ты работаешь ему назло.

Сглотнула. Что я вообще здесь делаю? Какой смысл разговаривать с человеком, который навесил на меня ярлык паршивой овцы и ко всем моим словам глух. Верным решением было больше ничего не доказывать и вернуться в кофейню, но откровения сами собой начали слетать с языка.

– Я часто слышала от разных людей, как должна быть благодарна Левашовым, ведь они взяли меня к себе и удочерили. Только никакой благодарности я не чувствую. Наоборот, я на них злюсь. Последнее дело – брать в дом ребёнка, если он тебе не нужен и как кость в горле. Если бы они не взяли меня, я бы попала в детский дом, а там у меня был бы большой шанс оказаться у людей, которые мечтали о ребёнке. Специально изучала этот вопрос, здоровых младенцев от благополучных родителей охотно усыновляют. Люди за них, можно сказать, борются. Пусть я оказалась бы в семье со средним или даже низким достатком, это не имеет значения, главное – меня бы любили. А в доме Левашовых только гно-

бят. Пётр Сергеевич ещё куда ни шло, но Инесса и Рина... На ужине я не проливала на себя вино, и этих чёртовых часов не ломала, и много чего не делала, в чём меня обвиняли, каждый случай даже не вспомнить. А насчёт сколько денег мне выдают на расходы, суди сам, – сказав это, я сняла левый кроссовок и продемонстрировала Адашеву подошву. – Как думаешь, обувь с дыркой я ношу тоже исключительно назло из-за дурного характера, или всё-таки из экономии?

Адашев сначала долго изучал кроссовок, потом хмурым взглядом скользнул по моим джинсам, футболке и по потрёпанному чехлу мобильного телефона, что лежал у меня на коленях.

– Сколько Пётр Сергеевич выделяет...

– Стоп, – прервала я Адашева. – Не надо тут разводить следствие, и вмешиваться не надо, я не ищу справедливости, и жаловаться на Левашовых я не хотела, всё-таки они дают мне крышу над головой и кормят. Всё, что прошу – не говори никому о моей работе здесь. Иначе я потеряю даже этот небольшой доход. Я не могу заставить тебя молчать, решение за тобой, – с этими словами открыла дверцу машины, вышла и поспешила обратно в кофейню.

После смены к кофейне добралась до дома Левашовых около восьми часов вечера, с пульта открыла ворота, заехала на территорию, а увидев возле гаража припаркованный автомобиль Адашева, в прямом смысле, как ребёнок, захныкала.

Так и знала, что он даже до завтра не подождёт и сегодня

приедет. Ещё бы, ведь ябедничать на другого человека – это такой кайф. Наверняка он уже всё выболтал Левашовым и не только про мою работу, но и то, что я про детский дом и удочерение другими людьми говорила. Представляю, как в приступе праведного гнева хмурился Пётр Сергеевич, и как его змеища жена на пару с дочуркой охали и цокали языками.

Каждый шаг в направлении дома давался мне со скрипом внутреннего сопротивления, с трудом сдерживала желания, развернуться и убраться отсюда куда глаза глядят. Однако уехать – это не выход, после ночёвки вне дома придётся выслушивать гораздо больше упрёков.

Уже поднималась по ступеням крыльца, когда из дома вышел Адашев, прикрыл за собой дверь и смотрит так, словно ему есть что сказать.

– Ну и? – протянула я с вызовом, чтобы он не молчал истуканом, а начал уже говорить.

– Хотел предупредить, чтобы ты не переживала, я ничего о твоей работе не сказал и не скажу, даю слово.

Первой мыслью было, что я неправильно Адашева поняла, но прокрутив в голове фразу ещё раз, смысл его слов не изменился.

Ого, неожиданно. Да после таких сюрпризов, можно и в людей начать верить.

– Ты сейчас такая растерянная, потому как даже не сомневалась, что поступлю иначе, я прав? – с весёлой искоркой в глазах спросил он.

– Так и есть, – не без смущения призналась я, не увидев смысла отрицать очевидное. – Но я ошиблась, чему очень рада. Ты меня здорово выручил. Спасибо.

– Не за что, – отозвался на мою благодарность Вадим, я ему улыбнулась и, не зная, что в этой ситуации ещё можно сказать или сделать, обогнула мужчину, чтобы зайти в дом.

– Катя, на одну секунду ещё задержись, – попросил он, и я обернулась. – Это тебе, – Адашев протянул мне белый почтовый конверт, и я только сейчас отметила, что всё это время он держал правую руку за спиной.

– Что это? – с подозрением покосилась на конверт, не предпринимая попытки его взять.

– Два билета в театр на постановку «Спартак». С часами действительно какая-то идиотская ситуация произошла, ты дома осталась. Пригласишь подругу, сходите, развлечётесь. Зрелище стоящее. В общем, как-то так.

Смотрю на Адашева и не верю глазам, он что смущён?

– Мне бы и одного молчания хватило, билеты – это перебор, но я их приму, – сказала я, взяла конверт, убрала его в сумку, ещё раз поблагодарила Вадима и довольная ускакала в дом.

В непривычно приподнятом настроении проскользнула мимо пустынной гостиной, завернула в коридор, ведущий к моей спальне, но не успела сделать и двух шагов, как меня грубо схватили за локоть и буквально затащили на кухню.

– Ты кем себя, тварь, возомнила? – Рина резко развернула

меня к себе лицом и, навалившись всем телом, прижала к стене.

– Это ты что творишь, опять приступ бешенства начался?! – зашипела я, толкнула её от себя, и хоть Рина выше и крупнее, она отшатнулась. Танцы в клубе по три часа два раза в неделю не только развивают выносливость, но и держат мышцы в тонусе.

– О чём вы с Вадимом разговаривали на крыльце, что он тебе дал? А ну, показывай, – Рина вцепилась в мою сумку, но я взяла в плен её указательный палец и начала выворачивать, из-за чего она всхлипнула от боли и отпустила.

– Если интересно, о чём разговаривали, вали к жениху и спрашивай у него, – крикнула я, развернулась и направилась к выходу.

– На, получи! – услышала я злорадный возглас сестрицы и следом в голову прилетело чем-то тяжёлым.

– Совсем кукуха поехала? – зажмурившись и пригнувшись, прошептала я, чувствуя как кружится голова.

Осторожно прикоснулась к макушке, на которую пришёлся удар, и проверила, не сочтется ли кровь. Убедившись, что открытой раны нет, оглядела пол и ужаснулась. Сестрица в порыве ревности метнула в меня не чем-нибудь, а молотком для отбивания мяса. И мне ещё крупно повезло, молоток лишь скользнул по голове, иначе бы в доме у Левашовых на кухне сейчас лежал мой хладный труп с проломленным черепом.

И это уже вообще не смешно.

– Ты чуть не отправила меня на тот свет, – прорычала я, глядя в безумные и одновременно довольные глаза Рины.

– Считай это предупреждением. В следующий раз не промахнись. Так что, если хочешь жить, обходи Вадима минимум за пять километров.

Рина шагнула вперёд, подобрала с пола молоток и вернула его на место.

– Пожалуйешься кому-нибудь, я просто заявлю, что всё было наоборот. Кому из нас поверят, ты в курсе.

– Ты только что чуть не убила, но вместо того, чтобы испугаться, как ни в чём не бывало, продолжаешь угрожать. Рина, с таким отношением к жизни, ты добром точно не кончишь, – заметила я и тут же пожалела об этом, она уже выходила из кухни, пусть бы топала дальше, не надо было ничего говорить.

– Нет, это ты, сиротинка, со своей наследственностью не кончишь добром. Загнёшься точно так же, как шлюшка мать и папаша-пропойца. Это же как надо было обдолбаться, чтобы на ровном месте врезаться в столб?!

Я многое могу пропустить мимо ушей, но только если не трогают моё самое сокровенное – родителей.

– Закрой свой поганый рот, – рявкнула я и залепила Рине звонкую увесистую пощёчину.

– Что здесь происходит? – раздался голос Адашева, и сестрица, как по волшебству переделалась из волчьей шкуры в

овечью.

– Она меня ударила, – одну руку прижимая к щеке, а другой указывая на меня, страдальчески заскулила Рина.

Глава 5

– Гадина! – с яростью и отчаянием прорычала я, разглядывая спущенные шины своей машины.

И это не досадная случайность. Случайно можно проколоть одно колесо, в крайнем случае два, но если спущены все четыре, будь уверен, без человека с гвоздём или отвёрткой дело не обошлось.

Кто постарался, и к гадалке не нужно ходить – Рина. Как три дня назад увидела нас с Адашевым на крыльце, так до сих пор бесится. Никак не успокоится. Как будто мало мне от неё досталось: чуть голову молотком не пробила, а потом этот самый Адашев – яблоко раздора, вынес мне весь мозг своими упрёками и обвинениями.

Я же самая удачливая девушка на земле, и Вадим зашёл в кухню, не раньше, не позже, а именно в тот момент, когда я залепила Рине пощёчину. Сестрица тут же схватила за щёку и начала жаловаться. Плакалась, что я внезапно набросилась на неё и ударила по лицу.

Вадим даже не стал разбираться, сразу встал на сторону невесты. Ещё бы, он же мою оплеуху видел собственными глазами, а что этому предшествовало, его не волновало. Я пыталась объяснить, что Рина напала первой, кинула в меня молоток и оскорбляла моих погибших родителей, но Адашев не слушал. Он как заведённый повторял и повторял, как

сильно во мне разочарован, что зря мне поверил, что я только изображаю из себя жертву, а на самом деле устраиваю Левашовым мелкие и крупные пакости, и он не понимает, как они выдержали меня в своём доме целых девятнадцать лет.

Естественно, чувство несправедливости, злость и обида не позволили мне остаться перед Вадимом в долгу, я тоже высказалась, не стесняясь в выражениях, прошла по его интеллекту, логике и способности разбираться в людях.

Когда же выбежала из кухни и попала к себе в спальню, сгоряча начала укладывать вещи в чемоданы, чтобы немедленно съехать. Однако вскоре успокоилась и отказалась от этой идеи. Жить под одной крышей с психованной Риной действительно небезопасно, но она со дня на день должна была уехать в Китай, кстати, сие чудеснейшее событие наступит уже завтра, а после возвращения из поездки через пару недель они с Адашевым сыграют свадьбу, и младшая змеюка упорхнёт из родительского гнезда.

Но это всё, как говорится, дела минувшие, сейчас же передо мной стоит вполне конкретная требующая срочного решения проблема, через час мне надо быть в клубе, а у машины все четыре колеса спущены.

Стараниями Риной и отвёртки в её руках до клуба добралась на такси и по деньгам уйду чуть ли не в минус. В ночь с субботы на воскресенье на такси большой спрос, оттого и стоимость поездки высокая.

Но деньги – это лишь половина беды, ожидание водителя

затянулось и пусть не критично, но на работу я опоздала, а сегодня в клубе тематическая вечеринка, то есть мне не просто нужно успеть переодеться в короткую юбку и топ, а нужно влезть в целый костюм а-ля женщина – кошка и нанести соответствующий грим.

– Девчонки, привет, – влетев в раздевалку, поздоровалась сразу со всеми и под гул звонких голосов направилась к своему шкафчику.

Чем мне нравится клуб, так это душевным климатом внутри коллектива. Девушки, увидев, что я не успеваю подготовиться к выступлению, дружно навалились и помогли. Лена зашнуровала корсет, Ольга расчесала и надела на меня парик, Яна помогла натянуть узкие блестящие шорты, а Анюта застегнула латексные ботфорты.

– Надеюсь, я не опоздал, и вы все там голенькие?! – после трёх ударов в дверь послышался голос Рамиля – хозяина клуба.

– Рамиль Ильгамович, заходите, – хором ответили девушки, и когда он вошёл, одна за другой направились из раздевалки на сцену.

Влилась в общий поток и вместе со всеми стремлюсь выплыть наружу.

– Катерина, задержись на пару слов, – заметив меня, попросил Рамиль и девчонки весело заулюлюкали и захихикали.

– Эй, да я ей сейчас нагоняй устрою за опоздание, а не

то, что вы там подумали, – наигранно возмущился Рамиль и добавил. – Давайте-давайте, двигайте булочками, пошевеливайтесь на выход.

– Прошу прощение за опоздание, больше такого не повторится, – пообещала я, когда мы с Сафиуллиным остались наедине, и кивнула на дверь. – Программа началась, можно я пойду?

– Катя, ну причём тут твоё опоздание, – поморщился Рамиль, как от зубной боли. – Это я так сказал, чтобы девчонки зря не шептались. Присядь, поговорим.

– Так, программа же началась, – напомнила я.

– Да и хрен с ней, главный твой зритель всё равно здесь. Присаживайся, говорю.

Сняла кошачью маску и улеглась в кресле. Надеюсь, сегодня обойдётся без приглашения на свидание, неудобно в тысячный раз отказывать работодателю.

Нет, он хороший, и как начальник и как мужчина, просто не мой тип и минусов много. Во-первых, он вдвое старше, ему тридцать восемь, во-вторых, в клубе нет ни одной девушки, с которой бы у него не случился пламенный, но скоротечный роман и в-третьих, но не по значимости, как, мне кажется, для Сафиуллина ночной клуб лишь потеха или средство для отмыwania денег, а основной его доход идёт от криминала. По крайней мере, главный бухгалтер клуба постоянно жалуется на убытки, а Рамиль как жил на широкую ногу, так и живёт, а ещё с ним за столиком порой такие лич-

ности отдыхают, с которыми не то чтобы ночью в тёмном переулке, а днём на оживлённой улице лучше не встречаться.

– Катерина, у нас через пару недель освободится место администратора, – откуда-то издалека начал Рамиль. – Вот я и подумал, ты же у нас в университете учишься, значит, способная, а ещё проверенный и ответственный человек, плюс с людьми хорошо ладишь.

– Да уж, ответственная? – фыркнула я. – А как же сегодняшнее опоздание?

– Единственное опоздание за год и всего на десять минут – не в счёт, – отмахнулся Рамиль и с видом словно хочет одарить меня миллионом, спросил. – Готова пойти на повышение?

– Ты предлагаешь мне должность администратора?

– Ну.

– Рамиль, спасибо за доверие, но я не могу. Администратор с утра и до вечера в клубе, вернее с обеда и до утра, а у меня учёба.

– Переведись на заочное, так уж и быть, буду отпускать на время сессии.

– У меня есть возможность учиться очно, и я не хочу её упускать. Вчерашние студенты-очники, как правило при трудоустройстве имеют преимущество перед заочниками. Так что нет, я откажусь.

– А ты сейчас не решай. Время есть. Подумай день или два... Ну, сколько потребуется. А потом, на следующей неде-

ле обсудим этот вопрос. За ужином. Ты какую кухню предпочитаешь?

Ну вот опять он затянул свою песню. Рано расслабилась

– Ужинать с боссом – ещё более неудачная идея, чем перевод на заочку. Можно работы лишиться, – заметила я.

– Зря ты, я со многими ужинал, все довольны остались, все на месте, никто не уволился.

– И это вторая причина, почему я отказываюсь с тобой ужинать. Ты в принципе слишком часто ужинаешь с разными девушками.

– Никак тебе не угодить, – проворчал Сафиуллин. – Вредная ты. Разве не заметила, это я раньше часто ужинал, а последние четыре месяца сижу на строгой диете. Сам от себя в шоке. Катя, я никогда так не ждал выходных, как теперь, и всё ради того, чтобы увидеть тебя. Давай всё-таки куда-нибудь сходим, пообщаемся вне работы, это же тебя ни к чему не обязывает.

– Рамиль, нет, – твёрдо произнесла, поднимаясь на ноги. – Ты сидишь на строгой диете, только потому, что я тебе отказала и этим раззадорила охотничий инстинкт, но как только получишь своё, я сразу стану тебе не нужна. Ты отличный начальник и хороший человек, но я не готова встать на полку трофеев, лишь бы ублажить твоё мужское эго. Так что закрыли тему раз и навсегда, иначе поссоримся, – предупредила я и направилась к выходу.

– Имей в виду, тема осталась открытой! – возмущённо до-

неслось из раздевалки, когда я из неё уже вышла.

Прикрыв глаза, полностью отдалась танцу. Музыка и движения ей в такт вводят меня почти в гипнотический транс. Я словно оказываюсь в другой вселенной, где нет проблем, забот, а порой и мыслей в голове нет, настолько очищаюсь от всего и расслабляюсь.

– Катя! – слышу позади себя голос Яны, и судя по его нетерпению и настойчивости, зовёт она меня уже давно.

Словно так и задумано, резко поворачиваюсь к залу спиной, чтобы посмотреть, что у Янки случилось.

Девушка машет рукой, жестом подзывая к себе.

Медленной кошачьей походкой ушла с платформы, помогла Яне затянуть сползший корсет, но когда вновь вернулась на свою небольшую индивидуальную сцену, замерла от неожиданности, потому как заметила в зале Адашева.

Вот это засада!

Как правило, гости клуба, либо собираются шумной компанией за столиком, либо заводят новые знакомства у барной стойки, либо сбрасывают накопившееся напряжение и себя заодно показывают в зоне танцпола. Адашев же курсировал по помещению, оглядываясь и присматриваясь к посетителям, складывалось впечатление, словно он кого-то ищет.

Адашев обернулся в мою сторону, и я резко начала двигаться под музыку, потому как танцующая девушка в костюме на платформе – это для клуба чуть ли не декор интерьера, а застывшая танцовщица – это явление странное и привле-

кающее внимание.

Адашев прошёлся глазами по моей платформе, но взглядом не зацепился.

На кой чёрт, спрашивается, я так разнервничалась? Маловероятно, что Адашев явился в клуб из-за меня. Делать ему, что ли, совсем больше нечего, как только жертвовать сном и ночью следить за родственницей будущей жены. И даже если он на всю голову ушибленный и находится здесь по мою душу, в парике, в маске и с ярким макияжем он меня не узнает.

Адашев привлёк внимание одной из официанток, и она предложила ему столик, Вадим охотно согласился присесть и даже сделал заказ, но едва девушка отошла, как он вновь начал оглядываться по сторонам.

Да и пусть пялится сколько влезет, мне не нужно по этому поводу нервничать, и следить за ним тоже не стоит. Ради собственного спокойствия прикрыла глаза и под музыку пытаюсь забыться.

Нет,дохлый номер,ничего не выходит,если не знаю,чем занят Адашев,дёргаюсь только сильнее.

Распахнула глаза и увидела, что столик Адашева пуст, и как ни искала, но в зале его тоже не находила.

Куда же он делся?

Увы и ах, но мои ожидания не оправдались, Адашев никуда не ушёл и всё ещё находился в клубе. Дело в том, что я искала его где-то там... вдалеке: у стойки, у выхода, возле диванов, но стоило мне окинуть взглядом территорию вокруг

себя, как пропажа тут же нашлась. Вадим стоял вплотную к платформе и, задрав голову, пристально смотрел на меня.

«На мне маска, парик и костюм», – повторяла я про себя, и внушение помогло. Стойко выдержала взгляд Адашева и лишь спустя несколько секунд без суеты и резких движений от него отвернулась.

«Твою же налево, что ему надо?», – пронеслось в голове, когда сквозь грохот музыки услышала голос Вадима. И обращался он не к кому-нибудь, а ко мне. Слава всему, он звал меня не по имени, а кричал обезличено «Девушка».

Я игнорировала Адашева, но он отказывался сдаваться и всё настойчивее пытался привлечь моё внимание. Дело дошло до того, что он начал стучать по основанию платформы рукой.

Стучал-стучал и достучался, не прошло и пары минут, как объявился Рамиль и не один, а в сопровождении двух охранников-вышибал.

Музыка полностью глушила разговор мужчин, но по их мимике и жестам было нетрудно догадаться, о чём они говорят.

Сперва Рамиль относительно вежливо спросил у Вадима, какого хрена он пристаёт к его танцовщице.

Адашев, кивая на меня, ответил, что просто хотел пообщаться.

Рамиль, покачив головой, заявил, что в его клубе это категорически запрещено.

Далее диалог стал менее понятным, но, кажется, Вадим начал объяснять, что, возможно, знаком со мной и попытался выяснить имя.

Тут я спокойна. Адашев ничего не узнает. Ведь по этому поводу в клубе действуют жёсткие правила. Мужчины часто спрашивают у персонала имя танцовщицы или её телефон, но сотрудники клуба держат рот на замке, потому как знают, Рамиль даже разбираться не станет и за разглашение этой информации просто оторвёт голову.

Ситуация накалилась, мужчины явно общаются на повышенных тонах, более того, Рамиль требует, чтобы Вадим немедленно вернулся за свой столик, иначе его вышвырнут из заведения.

Судя по усмешке Адашева, он не воспринял угрозу всерьёз, наверняка его царственную персону ещё ни разу ниоткуда не выгоняли. И зря. Рамиль человек слова, если что-то пообещал, то костыми ляжет, но сделает. Плюс в данный момент я у Рамиля, если так можно сказать, хожу в фаворитках и для него прогнать конкурента это уже не вопрос правил клуба, а дело чести.

Как я и предполагала, упрямство Вадима вышло ему боком. Между мужчинами сначала завязалась словесная потасовка, которая стремительно переросла в физическое сопротивление.

Вынуждена признать, с учётом соотношения сил, трое против одного, Адашев держался достойно, но в итоге коли-

чество всё же взяло верх, Вадиму заломили руки за спину и вывели из клуба.

В три часа ночи, когда развлекательная программа закончилась, мы с девчонками отправились в раздевалку, чтобы переодеться и снять грим, но после этого я не поехала домой вместе со всеми, а на всякий случай решила остаться в клубе и выждать ещё пару часов.

Я, конечно, не думаю, что Адашев настолько упёртый, чтобы караулить меня возле клуба несколько часов ночью, тем более он не может знать точно, что на платформе танцевала именно я, но подстраховаться будет не лишним, да и такси выйдет дешевле.

Прилегла на диван и до пяти часов подремала, хорошо догадалась поставить будильник, иначе неизвестно, когда бы проснулась. Через приложение заказала такси, и пока система искала машину, ополоснула лицо холодной водой и съела пару крекеров.

Когда приложение показало, что водитель прибыл и ждёт, вышла на улицу. До чего же хорошо. Солнце высоко, небо ясное, тепло и в то же время по-утреннему свежо. Намечается прекрасный день и не только из-за хорошей погоды, сегодня у Рины в двенадцать часов рейс в Китай.

Огляделась и не увидела белого седана с номером у 516 хс. И где машина? Достала телефон из сумочки, чтобы связаться с таксистом, а там сообщение: заказ отменён. Кем? Неужели водитель, потратив на дорогу сюда пятнадцать минут, решил

отказаться?

– Вот я тебя и дождался, – прямо над ухом прозвучал вкрадчивый голос Адашева.

– Твою же! – вздрогнув и подскочив от неожиданности, вскрикнула я. – У тебя совесть есть, – прорычала, когда более-менее отошла от испуга и развернулась к Вадиму лицом. – Чуть до инфаркта не довёл.

– И это ты у меня про совесть ещё будешь спрашивать?! – рывкнул мужчина, подходя ко мне вплотную и сверля взглядом. – Кошечка.

– Кошечка? – повторила я за ним удивлённо, как будто не поняла, что он имеет в виду мой костюм. – Как по мне, называть сестру невесты «кошечкой» – сверх неприлично.

Судя по виду, Адашев вот-вот лопнет от злости: ноздри раздуты, губы исчезли, капилляры на белках глаз воспалились и красные.

– Я тебе сейчас разъясню, что действительно неприлично. Неприлично в блестящих трусах и лифчике, с хвостом и ушами трясти задом и грудью перед толпой мужиков. А ещё...

– Стоп, стоп, стоп, – подняв руку, прервала я Адашева. – Какие уши и хвосты, о чём ты вообще говоришь?

Уйду в несознанку и буду до последнего стоять на своём. Ни на чём криминальном Адашев меня не поймал, подумаешь, улизнула из дома, чтобы сходить в клуб. И дальше-то что? Мне девятнадцать, самое время для развлечений. Он не

может знать, что на платформе танцевала именно я. Мы, когда с девчонками в костюмах, сами друг друга не различаем.

– Не держи меня за идиота, я тебя видел. Ты всю ночь трясла задом в костюме кошки.

– Нет, – с улыбкой произнесла я. – Ты что-то путаешь. Я действительно сегодня отдыхала в этом клубе с друзьями, но исключительно как рядовая посетительница.

Да ну? Клуб закрыт уже час, а ты только что вышла, да ещё из служебного входа.

– Бармен – мой парень, после работы мы с ним часок пообщались.

Адашев прикрыл глаза и начал тереть лоб, видимо, у него из-за бессонной ночи и моей наглости голова разболелась. Сам виноват, нечего было вмешиваться в мои дела.

– Так понимаю, ты рассчитываешь, что в маске тебя было практически не узнать, – устало прошептал Адашев. – Только ты забыла про шрам у себя на бедре. Весьма специфическая отметина. Катя, хватит врать. Я точно знаю, что хвостом виляла именно ты.

Да как так-то?!

Похоже, надо признать, что меня подловили и пора менять тактику.

– Ну виляла, а дальше-то что? Я тебе уже объясняла. Мне нужны деньги, поэтому берусь за любую работу, которая не мешает учёбе.

– По крайней мере, уже не отпираешься и то хлеб, – фырк-

нул Адашев и кивнул куда-то себе за спину. – Поехали, я подвезу тебя до дома, заодно по дороге поговорим.

– Спасибо, но я лучше закажу такси, – сказав это, я разблокировала на мобильном экран, чтобы вызвать ещё одну машину, но Вадим самым беспардонным образом выхватил телефон из моих рук.

– Обалдел?! – пытаюсь вернуть свою вещь, возмутилась я.

– Ты можешь хоть десять такси заказать, я их отошлю как предыдущее, – отодвинув меня от себя и убрав мой телефон в карман брюк, заявил Адашев. – Ты поедешь со мной.

– Наверяд ли, – усмехнулась я. – Ты же не потащишь меня в машину силком, а добровольно я не пойду.

Вадим, выгнув правую бровь, так многозначительно на меня посмотрел, что сразу стало понятно, кто-кто, а этот не постесняется и потащит силком.

– Только подойди, я такой крик подниму, тут вся округа проснётся, – пригрозила я, тыкая пальцем ему в нос.

Мужчина улыбнулся, наклонился ближе к моему лицу и тихо произнёс:

– Спасибо за предупреждение.

– За какое предупре... мм-мм...

Прежде чем я успела закончить фразу, Вадим развернул меня к себе спиной, зажал рот и потащил к своему автомобилю.

Будущий родственник действовал настолько стремительно, что я на какое-то время растерялась и позволяла нести

себя, как безвольный куль картошки, зато потом, когда сориентировалась, кое-кому мало не показалось. Я в кровь царапала Вадиму руки, прокусила ладонь, которой он закрывал мой рот, яростно брыкалась и пинала его по ногам. Жаль, но в итоге всё моё отчаянное сопротивление пошло прахом, пусть с уроном для себя, но Адашев всё же затолкал меня в салон на переднее пассажирское кресло.

Вадим захлопнул дверцу, бросил на меня уставший, но удовлетворённый взгляд, и когда он направился к водительскому месту, я потянула за ручку с намерением сбежать.

Однако едва моя нога коснулась асфальта, как Адашев вновь оказался рядом и предупредил:

– Один шаг из салона, и тебя ждёт поездка в багажнике.

Интуиция подсказывала, что этот ненормальный способен на всё, поэтому не решилась проверить, выполнит он угрозу или нет. Притихла, злобно пыхчу и с ненавистью наблюдаю за тем, как Адашев обходит автомобиль и садиться за руль.

– Я в шоке от твоей наглости! У меня даже нет слов. Вменяемые люди себя так не ведут. Советую... Нет. Настаиваю, срочно беги лечить голову. – вопила я, чувствуя, как подбородок, губы, да и всё остальное трясётся от гнева.

– Пристегнись, – скомандовал он, и я в знак протеста скрестила на груди руки.

Смотрю исключительно вперёд, но боковым зрением всё равно замечаю, как Адашев прожигает во мне дырку, но

вскоре ему это наскучило и он, прижавшись ко мне грудью, схватился за язычок ремня с моей стороны, вытянул ленту и пристегнул меня сам.

– Ты в клубе трудоустроена официально? – словно строгий учитель у нерадивой двоечницы, спросил он, когда мы выехали с парковки на трассу.

Адашев чокнутый, и вопросы у него такие же чокнутые.

– Тебе что за дело?

– Если спрашиваю, значит, дело есть. Отвечай.

– Нет. Неофициально.

– Значит, не всё так плохо, как могло быть, – выдохнул с облегчением Вадим. – По крайней мере, не придётся мучиться с удалением всех записей о твоей карьере стриптизёрши из государственных органов.

– Сам ты стриптизёрша, – возмущённо выкрикнула я. – А я артистка шоу-программы, между прочим, в приличном востребованном заведении. И никогда не выступала в лифчике и трусах, как ты утверждал.

– То, что ты артистка, я уже понял. Волосы встают дыбом от твоих представлений. Как у Левашовых терпения только хватает. Но сейчас не об этом, скажи, есть ли у тебя перед твоим востребованным и приличным заведением какие-нибудь обязательства? Неотработанный аванс, долг, или что-то подобное, что помешало бы тебе прямо сейчас позвонить и сказать, что ты больше у них не появишься?

– С чего вдруг мне звонить в клуб и говорить такое?

– С того, что я планирую политическую карьеру и сестра моей жены не может за деньги вилять задом на публике.

– Это твои проблемы, не мои, – усмехнулась я. – Я не уволюсь. Хоть тресни. Ни за что.

Адашев, стиснув челюсть, бросил на меня испепеляющий взгляд, резко вывернул руль в правую сторону и прижался к обочине.

Надеюсь, он остановился не для того, чтобы освободить руки и голову мне оторвать.

– Как только приедем к Левашовым, я подключу к этому вопросу Петра Сергеевича и, надеюсь, вдвоём мы убедим тебя бросить своё ремесло.

Ябедничать, значит, собрался. Ну-ну.

– Ты наверняка думаешь, что я как огня боюсь того, что расскажешь Левашовым о моей работе танцовщицей, как это было с работой официанткой в кафе. Промашка вышла. Левашовы дают мне меньше, чем клуб. Так что, если окажусь перед выбором – остаться у них в доме или потерять работу в клубе, я выберу клуб.

На самом деле, говоря, что от помощи Левашовых меньше проку, чем от заработка в клубе, я кривила душой. Нет, это не так. Но в свете недавних событий, когда Рина чуть не убила меня молотком, если действительно придётся выбирать, без колебаний выберу работу в клубе и съеду от Левашовых.

Вадим, почувствовав, что я не блефую, нахмурился.

– Ладно, попробую зайти с другой стороны, – до скрипа

сжав руль, заявил он и спросил. – Сколько ты зарабатываешь в клубе за месяц?

– Это некорректный вопрос, – фыркнула я.

– Сколько ты зарабатываешь?! – громче и настойчивее повторил он.

– Коммерческая тайна, – отрезала я.

Конечно, никакой коммерческой тайны в моей зарплате нет, но я всё равно не хочу называть сумму, потому что банально стесняюсь: ведь для Адашева она наверняка покажется смехотворной.

– Я спрашиваю не из любопытства. Я хочу предложить тебе сделку, ты увольняешься со всех работ, и я взамен ежемесячно перевожу тебе на карту сумму твоего общего заработка.

Ничего не делая, получать деньги. Заманчиво. Ох, как заманчиво. Но увы. Деньги, которые достались без труда, не твои – чужие. А брать чужое нельзя – выйдет боком.

– Не подходит.

– Почему нет? Тебе так нравится подавать кофе и вливать задом?

– Халяву не люблю. Не из-за принципов, а потому что знаю: что легко получено, то пользы не принесёт. В конечном счёте окажешься в убытке.

Адашев наклонил голову, прикрыл глаза и начал тереть виски. Видимо, так он пытается активизировать мыслительный процесс, чтобы придумать ещё один вариант. Но, судя

по всему, это у него пока не выходит. Зато у меня внезапно возникла идея: возможно, сумасшедшая, а возможно, и гениальная.

– Слушай, я знаю, как всем сделать хорошо, – воодушевлённо заявила я. – Трудоустрой меня в свою фирму. Летом я могу работать без перерывов, праздников и выходных, а с сентября – на полставки. Как тебе такой план?

Глава 6

Вадим прекратил массировать виски, открыл глаза, медленно развернул голову в мою сторону и посмотрел так, словно я предложила ему, смеясь ради облить бензином его новый автомобиль и поджечь.

Похоже, не хочет он видеть меня в числе своих сотрудников, не понравилась моя идея, а вот мне она нравится всё больше и больше. Это же одни сплошные плюсы, первый из которых и самый жирный – опыт и запись в резюме, что с такого-то по такое-то число я работала экономистом в солидной преуспевающей фирме.

Кстати, зря я Адашеву не сказала, что на какую попало должность я не согласна, меня интересует только экономический отдел или что-то близкое к моей специальности.

– Я была отличницей в школе и в университете тоже учусь хорошо, могла бы лучше, если бы не приходилось совмещать две работы, – Адашев ещё не отказал, значит, думает, поэтому принялась перечислять свои положительные качества. – Легко нахожу общий язык с людьми и избегаю конфликтов, – на этих словах мужчина насмешливо поднял бровь, и я уточнила. – Если люди не носят фамилию Левашовы.

Адашев ещё не озвучил ответ, но отрицательно качнул головой: значит, с вероятностью девяносто девять процентов откажет. Чего я допустить не могу.

– Если завтра меня не примут в экономический отдел твоей компании, я стану блогером и начну выкладывать посты на своей странице в соцсети под заголовком: «Каково это – быть приёмной дочерью в богатой семье». Подробно опишу, чем живёт каждый член семьи, и прикреплю фото, особое внимание уделю Рине и тебе, как её жениху. После пары недель можешь смело покупать гроб и закапывать свою политическую карьеру в глубокую яму.

– Ты меня шантажируешь?! – Адашев, похоже, обалдел от моей наглости, и он такой не один, я тоже от себя в шоке.

– А с чего вдруг это тебя так возмутило? Разве ты сам три минуты назад меня не шантажировал, когда грозился рассказать Петру Сергеевичу о моей работе в клубе?

Вадим прищурился, усмехнулся и кивнул, соглашаясь с моим утверждением.

– М-да, мы та ещё парочка, – протянул он и хлопнул себя по колену. – Хорошо. Понедельник у меня забит под завязку, так что жду тебя с документами у себя в офисе во вторник в два часа дня.

У меня от радости и волнения, аж закружилась голова. Ничего себе, работать в крупной компании по специальности, будучи ещё студенткой, это же огромный шаг вперёд. Нет, не шаг, а целый прыжок.

– Спасибо, – поблагодарила я и как только сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши. – Обещаю, ты никогда об этом мне пожалеешь. Я ответственно подхожу к работе и всегда

стараюсь изо всех сил.

Адашев с некоторым опасением на меня посмотрел и с усталостью произнёс:

– Если ты не устроишь пожар в офисе и не спровоцируешь сотрудников на забастовку, я уже буду доволен.

Вадим запустил двигатель, и мы тронулись с места. Несмотря на то что в раздевалке я прикорнула, всё равно ужасно хотелось спать. Чуть сползла на сиденье, вытянула ноги, полностью откинулась на спинку и прикрыла глаза, надеясь немного вздремнуть, но тут Адашев задал вопрос:

– Почему ты решила пойти в этот клуб? Неужели не могла попросить Петра Сергеевича взять тебя к нему на работу?

– Шутить изволите? – фыркнула я. – Я даже коробку со второго этажа не могу принести, чтобы меня не обвинили в умышленной поломке часов. Если бы начала работать в фирме Левашовых, уже давно бы сидела за растрату, кражу или что-то в этом духе. Инесса бы постаралась.

Я ждала от Адашева бурной реакции, но он промолчал, просто с бесстрастным лицом следил за дорогой, и тогда я, неожиданно для себя самой, продолжила разговор:

– Вадим, ладно я, у меня выбора нет, но у тебя-то он есть. Зачем связываешься с этим семейством? Я бы ещё поняла, если бы ты был сильно влюблён в Рину, но это не так.

– С чего ты взяла, что я не люблю Рину? – бросив в мою сторону короткий взгляд, спросил Адашев.

– Ты со мной не согласен и хочешь сказать, что любишь?

– Катя, зачем искать в моём вопросе скрытый подтекст? Просто поясни, почему ты решила, что я не люблю Рину?

Прикинув, с какой целью он интересуется, я громко и заливисто рассмеялась.

– Ну, ты и жук. Знаю, зачем ты об этом спрашиваешь. Хочешь, чтобы окружающие верили в твою любовь к невесте, и если я назову причины, почему люди могут думать иначе, ты их исправишь.

Адашев неопределённо пожал плечами и не возразил, что подтверждало мою правоту.

– Ладно. Мне не жалко, объясню, что тебя выдаёт. Прежде всего, ты на неё не смотришь – вообще никогда. Влюблённый же мужчина постоянно любит своей девушкой. Потом ты до неё не дотрагиваешься, не стремишься взять за руку или обнять, а ещё не целуешь. Нет, я понимаю, при Петре Сергеевиче и Инессе ты не можешь позволить себе с высунутым языком впиться в рот Рины, но нежный поцелуй в щёку или в висок вполне допустим. Кроме того, ты за ней не ухаживаешь.

– Что ты имеешь в виду под «не ухаживаю»? – возмутился Адашев. – Разве хоть раз на твоих глазах я не отодвинул стул для Рины или не открыл перед нею дверь?

– Согласно этикету, ты для любой женщины обязан отодвигать стул и открывать дверь, а для особенной и любимой девушке мужчины делают больше. Например, во время ужина ты разговаривал только с Петром Сергеевичем и исклю-

чительно на деловые темы. Тебя не волновало, что Рина в бизнесе – бум-бум, нечем помочь, и ей смертельно скучно. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю. На людях мне нужно смотреть на невесту, касаться её, целовать и развлекать. А что скажешь об отношении Рины ко мне?

– Если тебе интересно, любит ли Рина? Да, она любит. Только не тебя, а саму идею выйти замуж за такого человека, как ты. И пока ты при положении и деньгах, она будет за тебя драться как дикая кошка, но, если ты разоришься, она даже ради приличия недели не подождёт и сразу даст тебе пинка под зад. Так что на надёжный тыл не рассчитывай. «В болезни и здравии, в богатстве и бедности» – эти слова не про ваш будущий брак. Поэтому мне и интересно, на фиг тебе это всё нужно? Почему нельзя подождать девушку, которую полюбишь сам, и которая полюбит тебя, а не твой банковский счёт?

– Ты относишься к семье и браку, как большинство людей. У меня же на этот счёт другое мнение. Любовь в браке не то чтобы необязательная, а совершенно лишняя вещь. Когда любишь – неадекватно воспринимаешь человека, он может врать, глядя тебе в глаза, но ты будешь верить всему, что он говорит. Любить – значит быть перед другим уязвимым. Человек, которого держишь на расстоянии, никогда не подберётся к тебе так близко, чтобы воткнуть в спину нож, а любимый человек сделает это легко. Рина мне идеально подхо-

дит: молодая, красивая, здоровая, мой круг общения – для неё родная стихия. Да, она меня не любит, и это тоже плюс. Рина не станет надоедать мне бесконечными звонками, требуя объяснений, почему снова задержался в офисе, ей и в голову не придёт возражать против моих частых командировок, её не будет волновать моё отсутствие дома в праздники и выходные...

Адашев глубоко вздохнул, явно готовясь продолжить свою пламенную речь о преимуществах брака без любви, но я не собиралась слушать эту чушь, и прежде чем он успел открыть рот, высказала своё мнение:

– Жесть. Ты уж прости, но подобный бред могут нести разве что психопаты или люди с разбитым сердцем. Ты, конечно, не подарок, но на психопата не тянешь. Те совсем улетевшие. Значит, какая-то девушка знатно прошлась по твоим чувствам, поэтому твои представления о любви и семье поехали набекрень. И, мне кажется, произошло это не так давно, рана не затянулась. Но она обязательно затянется, дай только время. Не торопись жениться, потом пожалеешь, что выбрал девушку не по душе, но на тот момент у вас с Риной уже могут быть дети, и исправить ситуацию без серьёзных потерь будет нельзя.

– Да ты прямо многостаночница, – раздражённо бросил Вадим. – Экономист, официантка, стриптизерша ещё и психолог. Тоже мне знаток чужих душ. В себе покопаться не пробовала? Сдаётся мне, в тебе сидит и жрёт изнутри за-

висть к сестре. У неё есть всё, а у тебя ни хрена. Вдобавок, Рина удачно выходит замуж, ты из-за этого бесишься, поэтому и отговариваешь меня от свадьбы.

Адашев всё это сказал с одной-единственной целью – обидеть, но у него ничего не получилось. Спасибо Инессе. Она своими издёвками выработала у меня иммунитет на подобные выпады. Зато он подтвердил, насчёт его разбитого сердца – я угадала. Люди часто, услышав неудобную и горькую правду, стремятся больно ужалить того, кто её произнёс.

Сделала вид, как будто задумалась, а после, явно переигрывая, схватилась за голову и запричитала:

– Вадим, ты невероятно проницательный человек. Благодаря тебе у меня открылись глаза. Ты прав, я завидую Рине, потому что хочу такого же жениха, как у неё. Чтобы он тоже меня не любил. Чтобы выбирал меня как корову на рынке: породистая, здоровая, молодая – значит, годится. Чтобы ему прежде всего во мне нравилось, какая я удобная жена: можно дома месяцами не появляться, а я даже на работу не позвоню и не отвлеку от важных дел. Ведь именно об этом мечтают все девочки с детства – быть для мужа предметом мебели с функцией доставления удовольствия и рождения детей.

– Не кривляйся, – потребовал Адашев, но как-то без огонька, видимо, в душе всё же понимает: я права, а он нет.

– Я не кривляюсь, я с тобой соглашаюсь, – весело заметила я. В этот момент мы как раз прибыли к дому Левашовых. Вадим остановился, дожидаясь, пока ворота откатятся в сто-

рону, и я, открыв дверцу, выбралась из автомобиля на улицу.

– Ты куда, я же ещё не заехал?

– У Рины сегодня рейс в двенадцать часов, наверняка, уже весь дом стоит на ушах. Ты заезжай через главный вход, как раз всех отвлечёшь. А я перемахну через забор, потом по козьей тропке к дому и через окно в спальню. Спасибо, что подвёз. Увидимся на работе, босс.

Глава 7

Ждала вторника с замиранием сердца и как на иголках, переживала, что Адашев позвонит и заявит: «Слушай, в прошлый раз по поводу работы я погорячился. Такая катастрофа, как ты, в офисе мне не нужна. Пляши в своём клубе на здоровье и дальше. Нашу встречу я отменяю».

К великому облегчению Вадим не позвонил, значит, будем считать, своё решение не поменял.

Утром вторника соскочила с постели в шесть, за два часа до будильника. Приняла душ, выпила кофе, а потом маялась, не зная, чем себя занять. До двух часов была целая прорва времени, а я ещё вчера положила документы в сумку, приготовила серый костюм и достала из коробки новые туфли, строгие и без каблука, которые купила заранее, чтобы осенью носить их в университете.

Зато в половину двенадцатого, за час до выхода, когда оделась и глянула на себя в зеркало, меня как будто жареный петух клюнул в одно всем известное место.

Мне девятнадцать, на дворе разгар лета, а я собралась в офис Адашева в образе старухи Шапокляк, не хватает лишь кружевного воротничка и шляпки. Нет, нет, нет. Нужно что-то яркое, современное, стильное. Быстро переоделась в белый свободного кроя пиджак, топ нежно-голубого оттенка, светлые брюки и туфли с выпускного, да, броские и на вы-

соком каблуке, но с закрытыми пальцами и пяткой, значит, офисный дресс-код соблюлён.

Ещё раз посмотрелась в зеркало и с облегчением выдохнула, но уже через секунду опять в панике выпучила глаза.

У меня же нет резюме!

Возможно, оно и не понадобится, ведь собеседования не будет, меня же уже берут на работу, дело решённое. Но вдруг Адашев всё-таки спросит о резюме, представляю, как он недовольно цокнет и закатит глаза, когда скажу, что у меня его нет.

Быстро составила резюме, а затем трижды бегала к Петру Сергеевичу в кабинет и столько же раз пускала его на печать, чтобы исправить опечатки, возникшие из-за спешки. В результате уже откровенно опаздывала и была вынуждена вызвать такси. На своей машине ехать нельзя: судя по карте офис Вадима находится в центре, значит, парковку можно искать и полчаса, и целый час, а в итоге найти место за километр. Такси дорого, но зато оно подвезёт меня прямо к входу, что даёт шанс всё-таки не опоздать.

Водитель такси прокатил с ветерком, и ровно за десять минут до назначенного времени я стояла на ступенях крыльца фирмы Адашева, с трепетом и восторгом смотрела на современное здание и вытирала влажные от волнения ладони об брюки.

Кто бы мне объяснил, зачем нервничаю, зачем сердце стучит как сумасшедшее, зачем все губы уже искусала? Вадим

пообещал взять меня на работу, значит, возьмёт.

Быстро миновала пропускной пункт. Сотрудник охраны только взглянул на мой паспорт и объяснил, в каком направлении мне следует двигаться. Сначала на лифте на верхний этаж, затем прямо по коридору и до упора. Время поджимало, надо было торопиться, но я шла медленно, потому что с открытым ртом восхищённо оглядывалась по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.